

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 3 (19)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 3 (19)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГБОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГБОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГБОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГБОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Андреянова Н.Н.</i>	кандидат юридических наук
<i>Ефимова О.А.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

- Бурьянов С.А.* Повышение эффективности
международно-правовых норм и институтов
в сфере прав человека как фактор устойчивого развития
в условиях глобализации 8
- Пономарев М.В., Гаврилова Ю.В.* Защита прав меньшинств
как дискурсивная практика современного конституционализма
(часть I) 15

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Пашенцев Д.А.* Правовые традиции России и развитие
международных экономических организаций 26
- Полянский П.Л.* Периодизация дореволюционной истории
отечественного семейного права: критика литературы
(часть 1) 31
- Санникова Л.В.* Правовая сущность головничества
в древнерусском праве 39

Публичное право

- Афанасьева С.А., Орлов М.А.* Некоторые особенности
организации и деятельности Счетной палаты
Российской Федерации 44
- Куксин И.Н.* Ответственность: социальное и юридическое
содержание 52
- Минченко Т.П.* Преодоление влияния криминальной субкультуры
на научное сообщество в эпоху постсекулярности 63
- Пряхина Т.М.* Знать международное право 72
- Чурилов С.Н.* О соотношении понятий «функция обвинения»,
«уголовное преследование» и «обвинение» 85

Частное право

- Ситдикова Л.Б., Шиловская А.Л.* К вопросу об использовании
судей в гражданском процессе элементов медиации 91

Трибуна молодых ученых

- Поляков А.И.* Формирование неправительственных
общественных организаций, осуществлявших
деятельность по охране интересов граждан в России
во второй половине XIX века 100

Критика. Рецензии. Библиография

- Северухин В.А.* Рецензия на учебник: Протасов В.Н.
Теория государства и права (М.: Юрайт, 2014. 495 с.
(Бакалавр. Базовый курс))..... 107

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки»,
2015, № 3 (19)..... 110**

- Требования к оформлению статей..... 114**

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

- Buryanov S.A.* Improving the Efficiency of International Legal Norms and Institutions in the Field of Human Rights as a Condition for Sustainable Development in the Context of Globalization..... 8
- Ponomarev M.V., Gavrilova Yu.V.* Protection of Minority Rights as a Discursive Practice of Modern Constitutionalism (Part I) 15

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Pashentsev D.A.* Legal Trends in Russia and the Development of International Economic Organizations..... 26
- Polyanskiy P.L.* Periodization of Russian Family Law History in Pre-revolutionary Period. The Review of Literature (Part 1)..... 31
- Sannikova L.V.* Legal Entity of Golovnichestvo in Old Russian Right..... 39

Public Law

- Afanasyeva S.A., Orlov M.A.* Some Features of the Organization and Activities of the Accounts Chamber of the Russian Federation 44
- Kouksin I.N.* Responsibility: Social and Legal Contents..... 52
- Minchenko T.P.* Overcoming the Impact of Criminal Subculture on the Scientific Community in the Era of Postsecularity..... 63
- Pryakhina T.M.* To Know International Law 72
- Churilov S.N.* About the Relation between the Concepts of «Functions of Prosecution», «Prosecution» and «Accusation» 85

Private Law

Sitdikova L.B., Shilovskay A.L. About the Issue of Using the Elements of Mediation in Civil Process by the Judge 91

Young Scientists' Platform

Polyakov A.I. Formation of Non-governmental Organizations Carrying out Activities for the Protection of the Interests of Citizens in Russia in the Second Half of the 19th Century 100

Critical Survey. Reviews. Bibliography

Severukhin V.A. Review of the Textbook: Protasov V.N. Theory of State and Law: Textbook for Bachelors (M.: Yurayt, 2014. 495 p. (Bachelor. Basic Course))..... 107

«MCTTU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2015, № 3 (19)..... 110

Style Sheet..... 114

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

С.А. Бурьянов

Повышение эффективности международно-правовых норм и институтов в сфере прав человека как фактор устойчивого развития в условиях глобализации

Статья посвящена изучению международно признанных прав человека в условиях глобализации общественных отношений. Затрагиваются теоретико-правовые проблемы современного международного права и их влияние на эффективность соответствующих международно-правовых норм в области прав человека. Автор обосновывает необходимость развития и повышения эффективности международно-правовых норм и институтов в сфере прав человека в качестве обязательного условия решения глобальных проблем и устойчивого развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: глобализация; глобальные проблемы; интеграция государств; глобальное право; права человека.

Процесс формирования целостности бытия человечества многие называют глобализацией, основанной, как подчеркивает А.И. Уткин, «на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационном сближении, планетарной научной революции; для нее характерны межнациональные социальные движения, новые виды транспорта, телекоммуникационные технологии, интернациональная система образования» [1: с. 181].

А.С. Панарин, развивая мысль о влиянии глобализации на современное мировое сообщество, указывает: это — «процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими их от неупорядоченных внешних воздействий» [1: с. 183].

Глобалистика как междисциплинарное научное направление возникла на рубеже 60–70 годов XX века, соединяет различные научные дисциплины, относящиеся к анализу глобальных процессов и глобальных проблем.

Например, по мнению И.И. Лукашука, «глобальные проблемы представляют собой особый вид социальных проблем, характеризующихся планетарным масштабом» [9: с. 7]. В качестве основных он выделяет следующие: проблемы мира и безопасности, распространения ядерного, биологического и химического оружия, сохранения окружающей среды, истощения природных ресурсов, здравоохранения, науки, культуры, борьбы против организованной транснациональной преступности, проблему народонаселения [9: с. 6–7].

С.В. Дубровский называет еще «три основные проблемы, требующие немедленного решения: сокращение военных расходов и конверсия военной экономики, сохранение окружающей среды ради выживания, переход к решительным действиям против нищеты и отсталости» [3: с. 171].

Осознание важности проблем устойчивого развития нашло свое отражение в итоговых документах Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) (4–13 июня 1992 г.), в том числе в Повестке дня на XXI век¹ и Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию².

Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1992 года была учреждена Комиссия Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (далее — Комиссия), которая является форумом высокого уровня, в качестве функциональной комиссии Экономического и Социального Совета в соответствии с его решением 1993/207.

В частности, Комиссия отвечает за анализ достигнутого прогресса в области осуществления Повестки дня на XXI век и Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, а также за обеспечение политического руководства по вопросам осуществления последующих действий в рамках реализации на местном, национальном, региональном и международном уровнях решений Йоханнесбургского плана выполнения решений.

Глобальные проблемы ставят на повестку дня вопрос выживания человечества, что требует более прочного экономического и политического единства и, как следствие, более устойчивого развития. Но эффективная интеграция не может не требовать пересмотра сложившихся национальных приоритетов и инфраструктур, а также уступок в сфере национального суверенитета в пользу мировых структур [2: с. 91–92].

Государства взаимодействуют посредством международных межгосударственных организаций, деятельность которых в защите прав человека и достижении более тесного политического единства оказывается недостаточно эффективной. Одна из причин кроется в том, что они выражают и отражают политику государств, а она, как правило, ориентирована на интересы соответствующих властных групп, называемые национальными интересами. Это подтверждают политические, экономические, информационные и военные баталии,

¹ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 10.04.2015).

² Там же.

развернувшиеся в последние годы вокруг событий в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Украине. Под давлением ведущих государств мира даже Совет Безопасности и другие структуры ООН ведут себя не вполне адекватно. В результате благородные цели и задачи, зафиксированные в документах ООН по защите прав людей, прежде всего в горячих точках мира, оказались недостижимыми.

Кроме того, весомым фактором политической дезинтеграции и мировых конфликтов выступает эксплуатация политиками этноконфессиональных разделительных принципов в рамках отношений государства с различными конкурирующими между собой религиозными объединениями, в более широком смысле — отношений политики и религии. Сегодня наиболее очевидно этот фактор проявил себя в Ираке, где почвой вооруженного конфликта послужили противоречия между конкурирующими течениями в исламе.

В указанном контексте не менее важной и сложной задачей представляется формирование глобального мышления, так как будущее зависит от того, смогут ли люди преодолеть разделение. Создание эффективного правового механизма реализации каждым человеком своих прав, вне зависимости от различий, даст ему шанс на персональном уровне осознать себя частью единого планетарного сообщества.

Важнейшим инструментом позитивной интеграции государств служит международное право, что выдвигает на передний план проблему его взаимодействия с внутригосударственным правом. «Углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права носит характер объективной закономерности, которая отражает более общую закономерность — углубление взаимодействия национального общества с мировым сообществом» [8: с. 121].

Мы солидаризуемся с И.И. Лукашуком, другими авторами, которые указывают на объективную тенденцию к взаимопроникновению международного и внутреннего права государств, что ведет к образованию глобальной правовой системы или суперсистемы. «В ее рамках национальные правовые системы активно взаимодействуют друг с другом, с региональными системами и общим международным правом. В основе ее лежит принцип демократии, дающий возможность согласования различных правовых систем. Такая система не имеет ничего общего ни с мировым государством и соответствующим правом, ни с аналогичными концепциями» [8: с. 122].

Представляется своевременным и важным замечание В.В. Ершова, считающего, что «традиционно применяемые российскими и зарубежными специалистами понятия “взаимодействие”, “гармонизация”, “сближение” не отражают научно обоснованной современной концепции соотношения международного и внутригосударственного права» [4: с. 6]. Действительно, в условиях глобализации общественных отношений более корректно следует говорить о тенденции к слиянию и взаимопроникновению соответствующих правовых систем.

Мы согласны с мнением И.А. Конюховой о том, что «процесс конвергенции норм международного и конституционного права наиболее ярко проявляет себя в современный период именно в сфере регулирования и обеспечения прав и свобод. В этом отношении обнаруживается как всеобщая, так

и российская тенденция все более тесного взаимопроникновения международно-правовых и конституционно-правовых положений, обеспечиваемых авторитетом этих норм и адекватным механизмом их защиты» [7: с. 138].

В.А. Карташкин также полагает, что «во имя обеспечения единства международного сообщества государства должны подчиняться установленному ими порядку, который является социально и политически необходимым... Обеспечение подобного положения требует признания приоритета международного права как во внешней, так и во внутренней политике» [6: с. 131].

С учетом неотвратимых тенденций глобализации, выдвигающих требования интеграции, современная политическая система на базе национальных государств все в большей мере не отвечает вызовам нового времени. Однако здесь следует заметить, что именно национальные государства служат отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством.

Решение глобальных проблем невозможно в рамках однополярной и даже двухполярной системы международных отношений. Формирование более сбалансированной и жизнеспособной многополярной системы [5: с. 48–49] представляется необходимым промежуточным этапом, но вовсе не достаточным условием решения комплекса глобальных проблем.

Даже многополярная система невозможна без преодоления межцивилизационных напряжений, основанных на сочетании религии и политики, и как следствие, нарушениях прав человека. В этой связи эффективный правовой механизм реализации прав человека — необходимый фактор преодоления разделительных принципов, лежащих в основе существования традиционных политических структур, условие формирования политического руководства национальных государств, способного осуществлять интеграцию в мировое сообщество.

Следует подчеркнуть, что глобализация общественных отношений взаимосвязана с формированием глобальных подсистем (финансовые, экономические, торговые, информационные, культурные и пр.), уровень развития которых не однороден, что порождает нарушения баланса, социальные конфликты и потрясения. При этом со значительно отстающей политической подсистемой тесно связана правовая подсистема, которая призвана мягко и эволюционно преодолеть ее отставание и преодолеть глобальные проблемы человеческой цивилизации. Однако развитие правовой подсистемы также не представляется достаточным, что делает актуальным дальнейшее развитие международного права с перспективой его трансформации в глобальное право.

Еще одна важная проблема — вопрос трансформации государственного суверенитета. Как справедливо полагает В.В. Ершов, «суверенитет государства может быть ограничен на национальном уровне самим государством, иными государствами или надгосударственными органами» [4: с. 6]. Если государственный суверенитет действительно должен ограничиваться, то лишь в пользу индивида.

Заметим, что это явление постепенно находит свое нормативное закрепление в международных документах о правах человека. Становление данной

отрасли международного права происходило длительный исторический период, и этот процесс не завершен и в настоящее время.

Так, вопросы соблюдения прав человека рассматривались еще Лигой Наций (1919–1940 гг.) и входили в двусторонние и многосторонние договоры государств, заключаемые в тот период. Однако на принципиально новом уровне защита прав человека была закреплена только в актах Организации Объединенных Наций (ООН). В Уставе ООН «все государства — члены ООН юридически связаны в борьбе за полную реализацию всех прав и свобод человека».

Основной принцип уважения прав и основных свобод человека получил дальнейшее развитие в различных международно-правовых документах как универсального, так и регионального характера. На первом месте, безусловно, стоит Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. В первой статье этого документа говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»³. В соответствии со статьей 2 «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете»⁴.

Соответственно и вопрос международной правоспособности индивида следует также рассматривать в контексте глобализации общественных отношений через призму прав и свобод человека.

Некоторые исследователи обоснованно говорят о недостаточной эффективности норм международного права, что взаимосвязано с состоянием национальных правовых систем.

Одним из результатов различий и многообразия трансформации общественных взаимодействий и их регуляторов стали национальные правовые системы, отражающие социально-экономические, политические и культурные особенности конкретного общества на определенном этапе его развития. Особенности национальных правовых систем нашли свое отражение в национальных формах права, что делает актуальным их сравнительный анализ в контексте проблемы взаимодействия с международно-правовыми формами права.

Формирование и развитие национальных правовых систем происходило и происходит в условиях все более возрастающего взаимодействия

³ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2015).

⁴ Там же.

и взаимовлияния. С учетом современных общественных отношений и правопонимания, понятие и содержание правовой системы должно быть неразрывно связано с правами человека. Поэтому сближение правовых систем на основе приоритета прав человека как воплощения его свободы носит объективный характер, обусловленный соответствующими тенденциями к усложнению, взаимопроникновению, взаимозависимости и открытости общественных отношений.

В современном мире существуют системные проблемы реализации прав человека, формируемые на следующих условных уровнях: научно-теоретическом и образовательном; законодательном; деятельности органов государственной власти, правоприменения и судебной практики; правозащитном; средств массовой информации. Кроме нарушений прав человека, серьезные проблемы возникают в связи с ростом ксенофобии и нетерпимости, что создает крайне серьезные препятствия для сотрудничества и позитивной интеграции государств и других субъектов международного права. Наиболее остро указанные проблемы проявляют себя в государствах Азии, Африки, Индийского и Тихого океанов, относящихся к условной религиозной правовой семье, что делает актуальным исследование принципа светскости в международном праве.

Правовые системы государств условной религиозной правовой семьи основаны на совокупности соответствующих доктринальных установок, содержащихся в вероучительных текстах (и их толкованиях религиозными авторитетами и институтами), в обычных религиозных нормах и актах религиозных институтов.

Следовательно, формирование религиозных правовых систем обусловлено тесной взаимосвязью правовых и религиозных норм, в свою очередь, отражающих особенности общественных отношений на определенном историческом этапе развития общества, среди которых нетерпимость к людям, не принадлежащим к доминирующей конфессии, и нарушение их прав.

Есть основания полагать, что развитие международно-правовых норм и институтов в сферах прав человека и повышение их эффективности, преодоление нетерпимости и дискриминации являются необходимыми условиями решения глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации в гармонии с окружающей средой.

Литература

1. Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. 1328 с.
2. *Гринин Л.Е.* Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.
3. *Дубровский С.В.* Путеводитель по глобальному моделированию // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 161–171.
4. *Ершов В.В.* Соотношение международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Российское правосудие. 2011. № 6. С. 4–10.
5. *Зуйков Р.С.* Проблемы формирования новой системы международных отношений с точки зрения миротворческого и цивилизационного подходов // Пространство и время

в мировой политике и международных отношениях: мат-лы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. Т. 6: Новые тенденции в мировой политике. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 45–49.

6. *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: ИГиП РАН, 1995. 135 с.

7. *Конюхова И.А.* Источники международного и конституционного права в области регулирования прав и свобод человека и гражданина: международный, зарубежный и отечественный опыт // Международно-правовые стандарты в конституционном праве: сб. науч. тр. Ч. I / РАП; ИНИОН РАН; отв. ред. И.А. Конюхова. М., 2006. С. 108–138.

8. *Лукашук И.И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 115–128.

9. *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, XXI век. М., 2000. 279 с.

Literatura

1. Globalistika. E'nciklopediya / gl. red.: I.I. Mazur, A.N. Chumakov; Centr nauchny'x i prikladny'x programm «Dialog». M.: Raduga, 2003. 1328 s.

2. *Grinin L.E.* Globalizaciya i processy' transformacii nacional'nogo suvereniteta // Vek globalizacii. 2008. № 1. S. 86–97.

3. *Dubrovskij S.V.* Putevoditel' po global'nomu modelirovaniyu // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 1998. № 3. S. 161–171.

4. *Ershov V.V.* Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviyax globalizacii // Rossijskoe pravosudie. 2011. № 6. S. 4–10.

5. *Zujkov R.S.* Problemy' formirovaniya novoj sistemy' mezhdunarodny'x otnoshenij s toчки zreniya mirosistemnogo i civilizacionnogo podvodov // Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodny'x otnosheniyax: mat-ly' 4-go Konventa RAMI: v 10 t. Т. 6: Novy'e tendencii v mirovoj politike. M.: MGIMO-Universitet, 2007. С. 45–49.

6. *Kartashkin V.A.* Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: ИГиП РАН, 1995. 135 с.

7. *Konyuxova I.A.* Istochniki mezhdunarodnogo i konstitucionnogo prava v oblasti regulirovaniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: mezhdunarodny'j, zarubezhny'j i otechestvenny'j opy't // Mezhdunarodno-pravovy'e standarty' v konstitucionnom prave: sb. науч. тр. Ч. I / РАП; ИНИОН РАН; отв. ред. И.А. Кonyuxova. М., 2006. С. 108–138.

8. *Lukashuk I.I.* Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviyax globalizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2002. № 3. С. 115–128.

9. *Lukashuk I.I.* Globalizaciya, gosudarstvo, XXI vek. М., 2000. 279 с.

S.A. Buryanov

Improving the Efficiency of International Legal Norms and Institutions in the Field of Human Rights as a Condition for Sustainable Development in the Context of Globalization

The paper studies the internationally recognized human rights in the context of globalization of social relations. Theoretical and legal problems of modern international law and their impact on the effectiveness of the relevant international legal norms in the field of human rights are touched upon. The author proves the necessity to develop and enhance the effectiveness of international legal norms and institutions in the field of human rights as a prerequisite to the solution of global problems and sustainable development of human civilization.

Key words: globalization; global problems; integration of states; global law; human rights.

**М.В. Пономарев,
Ю.В. Гаврилова**

Защита прав меньшинств как дискурсивная практика современного конституционализма¹

В статье представлен анализ концептуальных подходов к решению проблемы меньшинств, связанных с парадигмальными установками инструментализма, примордиализма и конструктивизма как особых систем социального мышления, со-звучными им системами правопонимания, моделями конституционализма, идеологическими доктринами. На этой основе доказывается, что в современном обществе защита прав меньшинств приобретает характер дискурсивной практики.

Ключевые слова: права меньшинств; дискурс; конституционализм; инструментализм; примордиализм.

Часть I

Поиск эффективных подходов к урегулированию конституционно-правового статуса этнонациональных, религиозно-конфессиональных, языковых и иных социальных меньшинств остается актуальной задачей уже не одно десятилетие. В современном обществе с характерными для него массовыми миграционными потоками, высоким уровнем мобильности и информационной открытости, нарастающей социокультурной множественностью эта проблема становится еще более злободневной. Особую остроту она приобретает из-за явной политизации — полемика об общественной роли меньшинств и целесообразности особой защиты их прав превратилась в один из наиболее жестких водоразделов между либеральными и консервативными умонастроениями, риторикой толерантности и пафосом традиционализма. Причем в основе таких дискуссий лежит не только столкновение противоречащих друг другу мировоззренческих аксиом, но и сосуществование совершенно разных моделей социальной рефлексии, отражающих многочисленные риски и фобии современного общества, уникальную динамику его изменчивости. Не случайно в сознании консервативного большинства проблема защиты прав меньшинств постепенно вытесняется раздражением по поводу агрессивной экспансии меньшинств, тревогой об угрозах фундаментальным этическим основам человеческого бытия, стремлением защитить социокультурную целостность общества. Равным образом и обостренное переживание уязвимости представителями различных меньшинств связано не столько с реальным поражением в гражданских правах, сколько с попытками

¹ Вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере «Вестника МГПУ».

защитить собственный образ современности, отстаивать безусловное право на поиск своей роли в меняющемся обществе. В такой ситуации проблема взаимоотношений большинства и меньшинств уже не может быть решена лишь с помощью наращивания нормативной базы и совершенствования правоприменительной практики — она приобретает *дискурсивный характер* и нуждается в концептуальном осмыслении.

Дискурсивность тех или иных социальных проблем сопряжена с глубинной противоречивостью порождающих их процессов и явлений, конфликтным сочетанием множества внутренних и внешних факторов, столкновением совершенно различных интерпретаций. Любой дискурс парадоксален по своей сути, а потому эффективное решение подобных проблем невозможно найти в плоскости линейного (нормативного) мышления [11: с. 67]. Требуется смысловое «проговаривание» предлагаемых стратегий, построение конкурирующих логических моделей, направленных на их обоснование, т. е. формирование некоей системы координат, в рамках которой предлагаемые решения могут приобрести необходимую степень легитимности.

На основе каких смысловых формаций возможно построение дискурсивного пространства для осмысления и решения проблемы меньшинств? На наш взгляд, речь должна идти о сочетании следующих слагаемых: парадигмальная триада «инструментализм – примордиализм – конструктивизм» (именно в ее русле ведутся современные дискуссии о социальной природе меньшинств), дихотомия договорного и органического правопонимания (как шкала представлений о правосубъектности социальных сообществ), типология конституционализма (либеральный, этатистский и либерально-этатистский конституционализм как модельные подходы к построению системы «человек – общество – государство»), а также идеологические традиции либерализма, социального консерватизма и коммунитаризма, наиболее актуальные для современной социальной рефлексии². При всей разнородности этих концептуальных ракурсов их сочетание позволяет сформировать три устойчивые модели³ дискурсивного осмысления проблемы меньшинств, подразумевающие определенную логику правовых решений в этой сфере.

Среди парадигмальных подходов, в русле которых возможно дискурсивное осмысление проблемы меньшинств, *инструментализм* выделяется нарочитой прагматичностью и деятельностным взглядом на социальную реальность. Он опирается на представление о поведении человека как реакции на различные обстоятельства, ситуации, риски, угрозы, заставляющие ставить перед собой конкретные цели и определять наиболее эффективные инструменты для их достижения. Инструменталисты не отрицают значимость мировоззренческих, этических, идеологических установок, но считают, что «их ценность, как ценность

² Выбор такой идеологической «триады» обусловлен возможностью сопоставить три ярко выраженных подхода к проблеме меньшинств, имеющих особое мировоззренческое обоснование. Иные идеологические доктрины в этом отношении менее репрезентативны.

³ Две модели будут рассмотрены далее, с третьей можно ознакомиться во второй части статьи, которая будет опубликована в следующем номере.

любых инструментов, заключена не в них самих, а в их способности к работе, выявляемой по мере их применения» [3: с. 97]. Вера же в «неизменные ценности» и «абсолютные истины», с точки зрения инструменталистов, разрушает рациональную мотивацию человека, самым пагубным образом противопоставляет «идеальные» и «материальные» потребности. Поэтому общественный порядок эффективен только при условии последовательной плюрализации, толерантного отношения к многообразию мнений и стремлений, когда «мышление не стеснено целями, закрепленными социальной нормой» [3: с. 97]. Консолидация общества достигается при этом не мобилизационными средствами, а сотрудничеством людей, обладающих схожим опытом и интересами, образованием на этой основе множества добровольных ассоциаций. «Государство остается по-прежнему крайне важным, но эта важность все больше зависит от его способности стимулировать и координировать деятельность добровольных формирований», государство более не призвано «вести борьбу с могучими силами зла» и не является «целью в себе», а становится «только инструментом для обеспечения и защиты добровольных начал взаимосвязи людей» [3: с. 127].

В плоскости политико-правовой культуры общества парадигма инструментализма емко сочетается с идеологемами *либерализма* и *договорным правопониманием*. Базовой установкой служит признание человека суверенной личностью, обладающей естественным правом «оставаться в своем состоянии, не считаясь ни с кем другим, а только с собой» [9: с. 203]. Но при этом подразумевается, что прочным основанием для реализации такого права является только общественный договор – не политический или юридический акт, а рациональная и совершенно добровольная готовность человека ограничить свою естественно-правовую свободу во имя взаимовыгодного сотрудничества с окружающими. С закреплением общественного договора в массовом сознании и социальном взаимодействии рождается гражданское общество, а его консолидация, в свою очередь, создает политическую нацию — единственного легитимного субъекта конституционного процесса⁴. *Либеральная модель конституционализма* дополняет эту концептуальную схему особым взглядом на институционализацию договорного правопорядка: в качестве «ночного сторожа» создается правовое государство, компетенция которого жестко ограничена вопросами национальной безопасности, а политическая инициатива скована жестким разделением властей по принципу «сдержек и противовесов» и реальной независимостью судебной власти. Правовой статус личности формируется при таком подходе с использованием техники конституционного умолчания — отказ от массивного регулятивного воздействия гарантирует торжество в обществе естественных договорных правоотношений и, как следствие, социальной состязательности, культурного многообразия и гражданского плюрализма (классический пример — конституционная система США).

⁴ Понятие «политическая нация» сформировалось в противовес историко-культурной (примордиальной) теории наций и широко используется в инструменталистских и конструктивистских исследованиях. Самоидентификация политической нации не противопоставляется цивилизационной, этнической или языковой идентичности, но опирается на представление о договорном происхождении национального сообщества, закреплённом свободным политическим волеизъявлением.

Синтез парадигмальных идей инструментализма, либеральных идеологем, аксиом договорного правопонимания и либерального конституционализма обуславливает весьма специфический взгляд на проблему меньшинств. С одной стороны, полномасштабная реализация такой социально-правовой модели делает проблему меньшинств весьма условной — основой общественной жизни становятся высокий уровень гражданской активности, многообразие форм личностной самореализации, неформальная консолидация многочисленных страт и комьюнити. В подобных условиях любая социальная группа, по сути, представляет собой меньшинство. Более того, оформление любого устойчивого большинства и его консолидированное волеизъявление воспринимаются в качестве потенциальной угрозы, даже если речь идет о демократическом процессе (как показательно рассуждал один из отцов-основателей американского государства Александр Гамильтон, «из доктрины [демократии] отнюдь не следует, что акты большего сообщества, которые не вытекают из его конституционной власти, но вторгаются в оставшиеся у меньших сообществ полномочия, станут высшими законами страны — то будут обычные акты узурпации, и они заслуживают, чтобы к ним именно так и относились» [10: с. 217]). Но с другой стороны, именно эта логика и приводит к признанию проблемы меньшинств как одного из ключевых маркеров социально-политического здоровья нации и прочности ее конституционного строя. Считается, что дискриминация любого меньшинства по любому поводу — это наиболее очевидный признак разрыва общественного договора, следовательно, и явное свидетельство кризиса легитимности конституционного строя. Более того, поскольку в русле подобного правопонимания верховенство естественно-правовой свободы личности рассматривается как универсальная, общечеловеческая ценность, то приоритетная значимость проблемы меньшинств признается вне зависимости от специфики национальных конституционных систем (показательный пример — современная общественная дискуссия о правах гендерных меньшинств, не имеющая, с точки зрения ее активистов, никаких национальных границ).

Подобные рассуждения приводят к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: роль конституции в защите прав меньшинств (а фактически — в защите суверенного права человека «оставаться в своем состоянии») является скорее доктринальной. Практическое решение этой проблемы должно обеспечиваться на диспозитивном уровне только системой состязательного правосудия (где на первое место выходит принцип: «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого»), а императивно — нормами международного права (поскольку даже самая развитая политическая демократия сохраняет возможность диктатуры большинства). Такой подход получил широкое признание с середины XX века под влиянием последствий Второй мировой войны. Причем на уровне международных норм четко прослеживается взаимосвязь установки на недопустимость дискриминации меньшинств не с патерналистским отношением к ним как самостоятельным социальным группам, а с «верой в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности»⁵. Так, Всеобщая декларация прав

⁵ Устав Организации Объединенных Наций. Преамбула // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml> (дата обращения: 20.12.2014).

человека (1948) провозгласила признание достоинства каждой человеческой личности «основой свободы, справедливости и всеобщего мира» и закрепила императивный характер соблюдения прав человека «без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»⁶. Признание же равенства всех людей в их базовом праве на личную свободу и достоинство предопределяет не только «право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации», но и безусловное право на свободу мысли, совести и религии (включая «свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими»), а также «право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях»⁷.

В той же логике рассматривается и вопрос о коллективной правосубъектности тех меньшинств, которые не обладают ярко выраженными чертами договорных комьюнити. В первую очередь, это касается этнических, языковых, религиозно-конфессиональных сообществ. Например, в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966) провозглашается: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»⁸. При этом речь идет не просто о существовании тех или иных меньшинств с уникальными социокультурными характеристиками, а именно о признании безусловного приоритета общечеловеческих ценностей в области защиты свободы и достоинства личности и, как следствие, о гарантированном признании правосубъектности каждого человека, «кем бы он ни являлся» (перефразируя ст. 16 Декларации), а также о соответствующих правах на социально значимые формы самоопределения и самовыражения, будь то свобода мысли, совести и религии или пользование родным языком и атрибутами этнической культуры. Эксперт ООН Ф. Капоторти в комментариях к Международному пакту о гражданских и политических правах дал емкое определение меньшинств как особого коллективного субъекта правоотношений, формирующегося на основе свободного и солидарного самоопределения граждан: «Меньшинства — это меньшая по численности, не занимающая господствующего положения группа, члены которой — граждане данного государства — обладают с этнической, религиозной или языковой точки зрения характеристиками, отличающимися от характеристик основной части населения, и проявляют, пусть

⁶ Всеобщая декларация прав человека. Статья 2 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

⁷ Всеобщая декларация прав человека. Статьи 7, 18, 19, 22 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах. Статья 27 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

даже косвенное, чувство солидарности в целях сохранения своей культуры, своих традиций, религии или языка» [13: с. 5–12]. Заметно, что ключевым критерием идентификации здесь рассматривается именно инструментальное действие человека, его свободный выбор, а не принадлежность к той или иной группе. Та же самая логика прослеживается и в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981): признание того, что «религия или убеждения являются для каждого, кто их придерживается, одним из основных элементов его понимания жизни», обуславливает необходимость «понимания, толерантности и уважения» по отношению к конфессиональным группам⁹. Соответствующий подход может быть распространен и на любые иные меньшинства помимо этнических, языковых и религиозных. Например, Хартия Европейского Союза об основных правах (2000) предусматривает запрет «любой дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических черт, языка, религии или убеждений, политических или любых иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, рождения, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации»¹⁰.

Рассуждая в русле либеральной (а по сути — инструменталистской) парадигмы, следует признать, что императивный статус подобных норм международного права выступает вполне достаточной гарантией для обеспечения приоритета естественных прав человека и недопущения дискриминации меньшинств. Любые попытки укрепить соответствующий правовой режим нормативным регулированием на уровне национального права представляются весьма рискованными. Во-первых, возникает угроза деформировать тот естественный «плавильный тигель», в котором в условиях культурной множественности и социальной состязательности рождаются жизнеспособные формы социализации и самоидентификации человека. Наглядным примером служит государственная политика мультикультурализма, активно проводившаяся в Австралии и Канаде в 1960–1970-х годах под лозунгом «интеграция без ассимиляции» (фактически речь шла о системном воздействии на общество вплоть до прямого насаждения культурного многообразия) [2; 4; 6; 7]. На практике это привело либо к сегрегации искусственно поддерживаемых меньшинств, либо к нарастанию напряженности между этнонациональными, языковыми группами населения. Во-вторых, сам переход от охранительного к регулятивному решению проблемы меньшинств неизбежно ставит вопрос об однозначном признании и нормативном закреплении коллективной правосубъектности меньшинств, что совершенно противоречит логике инструментализма. С этой точки зрения необходимо даже не сохранение «плавильного тигля», а, как отмечал один из ведущих теоретиков американского инструментализма Милтон Гордон, трансформация

⁹ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Преамбула. Статья 2 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

¹⁰ Хартия Европейского Союза об основных правах. 2000. Статья 21 // Право Европейского Союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 20.12.2014).

его в «множественный, бурлящий котел», закрепляющий «плюрализм национальной действительности» и легализующий формирование все новых и новых субкультурных сообществ [14: с. 131].

Парадигма *примордиализма* (от лат. *primordial* — изначальный) опирается на принципиально иные мировоззренческие установки. Фундаментом социальности общества считаются исконные культурные формы, образующие своего рода этос каждого народа — его «тип, характер и стиль жизни, отличительные особенности этики и эстетики», т. е. все то, что «лежит в основе отношения данного народа к самому себе и к окружающему миру» [1: с. 149]. Историческая эволюция таких этосов носит строго преемственный характер, а потому формирование и развитие наций, их политическое волеизъявление лишь отчасти может быть воспринято в категориях рациональной целесообразности — в основе их лежит проявление народного духа, вневременная ментальная общность и глубинное единство ранее живших, ныне живущих и будущих поколений. Каждая «состоявшаяся» нация представляется «извечным, повторяющимся феноменом, корни которого уходят в прошлое на века», но при этом живым и энергичным организмом, обращенным в будущее благодаря своей уникальной исторической миссии [8: с. 56–57]. Не отрицая значимость культурного многообразия и индивидуального начала человеческой жизни, примордиалисты считают их второстепенными факторами социализации и самоидентификации личности. Ключевую роль, по их мнению, играют этнические, конфессиональные, языковые факторы — именно они аккумулируют многовековой культурный опыт, обеспечивают освоение историко-культурных архетипов, т. е. формируют подлинный жизненный мир человека.

В рамках идеологического пространства общества парадигма примордиализма наиболее емко сочетается с доктриной *социального консерватизма*, ориентированной на идеалы патриотизма, державности и внеклассовой солидарности, сочетание государственного патернализма и реформизма, оздоровление «общественных нравов» и возрождение «национального духа»¹¹. Подобные установки тесно связаны с *органическим правопониманием* — представлением о праве как системе солидарных отношений, где ключевую роль играет единство общества в понимании справедливости, правды, чести, добра, а не формально-юридические процедуры и нормативные императивы. На первый взгляд, такая позиция представляется очень зыбким основанием для конституционного строительства. Однако она в полной мере реализуется в рамках *этактистской модели конституционализма*, предполагающей безусловное преобладание коллективной правосубъектности и торжество общенациональных интересов, построение сильного, социально ответственного государства с ярко выраженным политическим лидерством и строгой вертикалью власти. Такой подход противопоставляется формализму либеральных демократий: «То механическое,

¹¹ Ярким историческим примером социального консерватизма является идеология голлизма. В начале XXI века схожие позиции занимали многие ведущие политики Европы и Северной Америки, в том числе постсоветского пространства (В.В. Путин, Дж. Буш-младший, Н. Саркози, А. Меркель, В. Клаус, братья Л. и Я. Качинские, М. Джоанэ, В. Орбан и др.). На принципах социального консерватизма строится программа партии «Единая Россия».

количественное и формальное понимание государства, которое осуществляется в западных демократиях, не есть ни единственно возможное, ни верное. Напротив: оно таит в себе величайшие опасности... отрывая публичное право человека от его качества и способности, оно не единит граждан в Общем, а утрясает в компромисс их своекорыстные голоса» [5: с. 42].

История XX века продемонстрировала немалые риски такого вектора конституционного развития — опасность незаметной фашизации общества, легкость преодоления грани между тотальным единением своих и столь же тотальной ксенофобией по отношению к иным, тупики авторитаризма и вождизма. Однако в современных условиях возрождение органического правопонимания вполне возможно и в рамках смешанной, либерально-этатистской модели конституционализма, когда широкая многопартийность сменяется широким фронтом здоровых сил общества, либеральная демократия уступает место народной или социальной, правовое государство трансформируется в диктатуру закона, а политическая воля и личная ответственность общенационального лидера затмевают ценность гражданского диалога. В этом плане особенно показателен Основной закон Венгрии, принятый в 2011 году и продемонстрировавший, что подобные тенденции могут быть характерны не только для стран постсоветского пространства, Латинской Америки или Азии. Новая венгерская конституция закрепила вполне универсальный набор прав и свобод человека и гражданина, но их реализацию и возможность ограничения поставила в зависимость от «защиты конституционных ценностей», в основе которых лежит «соглашение между венграми прошлого, настоящего и будущего», а также «достижения исторической конституции и Святая Корона, воплощающие перманентность конституционной государственности Венгрии и единство нации»¹². Как следствие, усилилась политическая консолидация венгерского государства, выросла роль духовных институтов (в первую очередь Католической церкви), сократились полномочия конституционного правосудия, а из названия страны показательно исчезло слово «республика».

Проблема меньшинств имеет по-своему очень логичное решение в русле примордиального подхода и органического правопонимания. Прежде всего, подразумевается, что конституционная правосубъектность может быть признана лишь за меньшинствами, представляющими собой устойчивые социальные группы, а значит, обладающими такой же исконной социокультурной природой, как и большинство (не случайно в этой роли рассматриваются этнические, языковые, конфессиональные группы, но не гендерные, идеологические или субкультурные). Такие «примордиальные меньшинства» образуют системную «периферию» по отношению к «центральной культуре» данного общества [12: с. 351]. Подразумевается, что отношения между «центром» и «периферией» должны выстраиваться как соподчинение с безусловной лояльностью меньшинств. Но именно в силу такой интеграции меньшинства и получают возможность относительно

¹² Основной закон Венгрии. 25 апреля 2011 года. URL: http://www.lgzforum.ru/hung/?page_id=1072 (дата обращения: 15.10.2014); *Пекорио А., Эрнест А.* Меморандум «Новая венгерская конституция» // Европейский правовой центр. URL: <http://eclj.org/PDF/ECLJreportinrussian.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).

автономного существования и преемственного культурного развития. Более того, гарантии безопасности для них и отсутствие любых форм дискриминации воспринимаются большинством как важное свидетельство справедливости и порядка. Однако ситуация совершенно меняется, если речь заходит о притязаниях тех меньшинств, которые либо сменяют позицию лояльности на явный или скрытый сепаратизм, либо самим своим существованием вступают в конфликт с примордиальными ценностями (как, например, сексуальные меньшинства). Отношение большинства к подобным проявлениям инаковости может быть самым жестким.

Правовое воплощение такая модель отношений находит прежде всего в развитом институте социального государства, которое выступает гарантом стабильного и защищенного развития как «центральной культуры», так и лояльных ей меньшинств. Причем речь идет не только о нормативном запрете любых форм дискриминации. Гораздо большее значение приобретает активное воссоздание «духовных скреп» общества как «сети примордиального притяжения» (по выражению К. Гирца), сосредоточение действий государства на создании «упорядоченной системы культурных символов», способных органично консолидировать все многообразие культурных форм [1: с. 307, 228, 234, 365]. Важное значение в этом процессе имеет повышение роли конституционной доктрины в качестве ценностного фундамента общества и соответствующее преодоление нормативистской узости в отношении к конституционному праву (характерным примером является гибкое толкование принципа светского государства, широко распространившееся в последние годы). Возможна и прямая институционализация соответствующих социальных практик — например, закрепление примордиальных стандартов в сфере исторического образования и конфессионального воспитания, статусная дифференциация общественных организаций с точки зрения их лояльности к «духовным скрепам» общества, патерналистская языковая политика и т. п. Во всех подобных случаях меньшинства также получают дополнительные гарантии и возможности для укрепления своего культурного пространства — это является частью общей стратегии на укрепление примордиального фундамента всего общества. Но предметом защиты становятся не дух толерантности и культурная множественность общества, а интересы конкретных социальных групп, выступающих в роли своих меньшинств. Например, в Конституции Исламской Республики Иран «признание прав религиозных меньшинств» реализуется через закрепление такого статуса только за «иранскими зороастрийцами, иудеями и христианами как единственными религиозными меньшинствами»¹³. Роль международного права в решении проблемы меньшинств существенно снижается, поскольку и примордиальная парадигма, и доктрина этатистского конституционализма в особой степени акцентируют значимость принципа национального суверенитета. Впрочем, современное международное право позволяет избегать коллизий в этом вопросе. При сохранении преемственности в общих доктринальных установках стратегия защиты прав меньшинств постепенно смещается к примордиальной

¹³ Конституция Исламской Республики Иран. 1979 г. Статья 13. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 20.12.2014).

логике. Так, в Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992) речь идет о правах, возникающих именно в силу *принадлежности* к соответствующим социальным группам. То есть меньшинства рассматриваются как устойчивые сообщества с коллективной правосубъектностью, принадлежность к которым является не столько результатом мировоззренческого выбора, сколько унаследованным социальным статусом. Соответственно и защита от дискриминации означает не гарантированную свободу самовыражения, а «создание благоприятных условий для использования достояния своей культуры»¹⁴. Проявлением примордиальной логики можно считать и закрепление приоритетной роли принципов территориальной целостности и национального суверенитета по сравнению с защитой прав меньшинств. Так, Декларация Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 года недвусмысленно утверждает, что «полное уважение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, помимо того, что является самоцелью, не может подрывать, но может укреплять территориальную целостность и суверенитет»¹⁵.

Литература

1. *Гири К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
2. *Головкина О.В.* Мультикультурализм и проблема национальной идентичности в Канаде // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 6. С. 117–127.
3. *Дьюи Д.* Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. 494 с.
4. *Зайка К.В.* Проблема национальной интеграции в условиях возрастающего этнокультурного многообразия (на примере Канады): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 25 с.
5. *Ильин И.А.* Об органическом понимании государства и демократии // Ильин И.А. О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. С. 34–39.
6. *Куропятник А.И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: СПбГУ, 2000. 207 с.
7. *Петриковская А.С.* Австралийский мультикультурализм: Опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 28–44.
8. *Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004. 466 с.
9. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 5–284.
10. *Федералист.* Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / под общ. ред. Н.Н. Яковлева. М.: Прогресс Литера, 1994. 592 с.
11. *Честнов И.Л.* Критический дискурс-анализ как метод постнеклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 1 (13). С. 67–74.

¹⁴ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. 1992 г. Преамбула. Статья 2, 4 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

¹⁵ ОБСЕ. Декларация стамбульской встречи на высшем уровне. 1999 // Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения. Т. II. 2011. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/77678?download=true> (дата обращения: 20.12.2014).

12. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / под ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 431–459.
13. Capotorti F. Study on the rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities // Human Rights Study Series. New York, 1978. № 5. P. 5–12.
14. Gordon M.M. Human Nature, Class and Ethnicity. New York: Oxford University Press, 1978. 316 p.

Literatura

1. Gircz K. Interpretaciya kul'tur. M.: ROSSPE'N, 2004. 560 s.
2. Golovkina O.V. Mul'tikul'turalizm i problema nacional'noj identichnosti v Kanade // SShA i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2009. № 6. S. 117–127.
3. D'yui D. Rekonstrukciya v filosofii. Problemy' cheloveka. M.: Respublika, 2003. 494 s.
4. Zajka K.V. Problema nacional'noj integracii v usloviyax vozrastayushego e'tnokul'turnogo mnogoobraziya (na primere Kanady'): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2010. 25 s.
5. Il'in I.A. Ob organicheskom ponimanii gosudarstva i demokratii // Il'in I.A. O gryadushhej Rossii: izbr. st. / pod red. N.P. Poltoraczko. M.: Voenizdat, 1993. S. 34–39.
6. Kuropyatnik A.I. Mul'tikul'turalizm: problemy' social'noj stabil'nosti politicheskix obshhestv. SPb.: SPbGU, 2000. 207 s.
7. Petrikovskaya A.S. Avstralijskij mul'tikul'turalizm: Opy't e'tnicheskoj politiki // E'tnograficheskoe obozrenie. 1993. № 2. S. 28–44.
8. Smit E. Nacionalizm i modernizm. M.: Praksis, 2004. 466 s.
9. Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskij traktat // Spinoza B. Izbranny'e proizvedeniya: v 2 t. M.: Gospolitizdat, 1957. T. 2. S. 5–284.
10. Federalist. Politicheskie e'sse A. Gamil'tona, Dzh. Me'disona i Dzh. Dzheya / pod obshh. red. N.N. Yakovleva. M.: Progress-Litera, 1994. 592 s.
11. Chestnov I.L. Kriticheskij diskurs-analiz kak metod postneklassicheskij teorii prava // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2014. № 1 (13). S. 67–74.
12. Shilz E. Obshhestvo i obshhestva: makrosociologicheskij podxod // Amerikan-skaya sociologiya: Perspektivy', problemy', metody' / pod red. G.V. Osipova. M.: Progress, 1972. S. 431–459.
13. Capotorti F. Study on the rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities // Human Rights Study Series. New York, 1978. № 5. P. 5–12.
14. Gordon M.M. Human Nature, Class and Ethnicity. New York: Oxford University Press, 1978. 316 p.

M.V. Ponomarev, Yu.V. Gavrilova

Protection of Minority Rights as a Discursive Practice of Modern Constitutionalism (Part I)

This article analyzes the conceptual approaches to the 'minority issues' related to the paradigmatic settings of instrumentalism, constructivism and primordialism as special systems of social thinking, legal systems, models of constitutionalism, ideological doctrines. On this basis, it is proved that in modern society the protection of minority rights grows into a discursive practice.

Keywords: minority rights; discourse; constitutionalism; instrumentalism; primordialism.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Д.А. Пашенцев

**Правовые традиции России
и развитие международных
экономических организаций¹**

В статье показано влияние глобализации на развитие правовой системы России. Подчеркивается противоречие между либеральным вектором глобализации и правовой традицией России. Обозначена роль международных финансовых организаций в оказании давления на отечественную правовую систему.

Ключевые слова: глобализация; правовая традиция; международные экономические организации; Всемирная торговая организация; правовая система.

В современных условиях развитие национального права любой страны происходит под воздействием сложных многоплановых процессов, в совокупности именуемых глобализацией.

Глобализация представляет собой, с одной стороны, явление объективное, обусловленное процессом стремительной информатизации общественных отношений; с другой стороны, это явление усиливается из-за субъективного фактора, выраженного в стремлении транснациональных корпораций превращать национальные рынки в единый глобальный рынок для максимального извлечения прибыли. Из этого следует, что вектор трансформации национальной правовой системы в современных условиях также определяется сочетанием объективных и субъективных факторов, влияющих на принятие и реализацию правовых норм.

Одним из факторов, определяющих особенности развития национального права, является правовая традиция. Существует несомненное противоречие между глобализацией и правовой традицией. Глобализация заставляет национальную правовую систему меняться, приспосабливаться под чуждые ей образцы, развиваться по пути унификации. Правовая традиция, напротив,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда в рамках проекта проведения научных исследований «Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния», проект № 15-03-00255. При написании статьи использованы материалы СПС «Консультант Плюс».

отрицает универсализм, она ориентирует на сохранение исторической специфики в развитии права и его базовых характеристик.

В центре правовой традиции находится человек как субъект права; именно он своими действиями воспроизводит правовую реальность. Как верно отмечает И.Л. Честнов, «с точки зрения антропологизма постсовременного мировоззрения, субъект права должен трактоваться не просто как субъект правоотношений, а гораздо шире — как центр правовой системы, ее творец и постоянный деятель. Именно субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность» [5: с. 55].

Одним из факторов, определяющих характер взаимодействия глобализации и правовой традиции, является принадлежность государства к одному из двух основных типов цивилизации: традиционалистскому или техногенному. По мнению академика РАН В.С. Степина, «динамизм техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ, где виды деятельности, их средства и цели меняются очень медленно, иногда воспроизводясь на протяжении веков» [4: с. 24]. Это проявляется и в праве, которое, являясь регулятором общественных отношений, развивается с той же скоростью, что и эти отношения. Постоянный поиск и применение новых технологий социального управления и социальных коммуникаций, характерные для техногенной цивилизации, нетипичны для правовых систем традиционалистского типа. К числу последних относится и правовая система России.

Влияние процессов глобализации на развитие правовой системы России зависит от следующих факторов:

1) под воздействием глобализации происходят процессы унификации национального права и сближения национальных правовых систем; Россия, будучи включенной в систему мирового разделения экономических функций, также участвует в данном процессе;

2) под влиянием глобализации вырабатываются и внедряются международно-правовые стандарты, которые в рамках мирового сообщества воспринимаются как обязательные и фактически становятся таковыми;

3) относясь к числу цивилизаций традиционалистского типа, Россия в силу этого с трудом воспринимает практическое внедрение целого ряда успешно апробированных в западных государствах правовых институтов;

4) правительство России вынуждено принимать правовые меры по защите отечественной экономики, которая в условиях свободного рынка не может успешно конкурировать с транснациональными структурами;

5) процесс унификации на основе западных правовых стандартов замедлился после введения экономических и политических санкций против Российской Федерации.

В целом влияние глобализации на правовую систему России проявляется в следующем:

1) меняется менталитет субъекта права, который адаптируется к новым для себя правовым ценностям;

- 2) активизируются усилия по установлению стандартов прав человека и созданию механизмов их защиты;
- 3) активно развиваются отрасли права, связанные с информацией, финансами, предпринимательством, интеллектуальной собственностью;
- 4) более широко вовлекаются в правотворческую деятельность негосударственные структуры;
- 5) развитие правовой системы становится более динамичным.

Таким образом, в условиях глобализации правовая система России развивается через преодоление противоречия между нарастающим вызовом со стороны международных наднациональных структур, преследующих вполне определенные и четко выраженные интересы, и собственной правовой традицией, имеющей глубокие исторические корни. Это определяет необходимость отстаивания национальных интересов в экономике, противостояния усиливающемуся давлению транснационального капитала [6: с. 165–169].

В качестве таких международных наднациональных структур, являющихся движущей силой глобализации, выступают международные экономические организации. В их деятельности проявляется объективная закономерность — углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права, национального общества с мировым сообществом [2].

Реализуя активную внешнеэкономическую политику, Российская Федерация принимает участие в деятельности ведущих международных экономических организаций, в том числе вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО), является членом Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и т. д. Примечательно, что перечисленные структуры созданы на основе англо-американских проектов и в силу этого служат проводниками глобализации не только как объективной тенденции мирового развития, но и как искусственно направляемого процесса, далеко не всегда отражающего национальные интересы России. Ведущим вектором политики международных экономических организаций выступает либерализация мировой торговли, в результате которой экономики более слабые либо позже других включенные в систему международного разделения труда не выдерживают глобальной конкуренции и проигрывают в экономическом плане. При этом правила международных экономических организаций запрещают им принимать меры для защиты собственного рынка и своего производства. Например, необходимым условием и основополагающим принципом существования ВТО призвана свобода международной торговли. В то же время в развитии российской правовой традиции можно отметить частые периоды, связанные с проведением политики протекционизма, направленной на защиту собственного рынка и развитие отечественного производства [1: с. 153].

Ситуация обострилась после введения рядом западных стран экономических санкций против Российской Федерации. Будучи интегрированной в мировую финансовую систему, экономика России несет существенные потери от введенных ограничений. В связи с этим закономерно возникает вопрос

о том, какие стороны нашего участия в международных финансовых организациях преобладают: негативные или позитивные. К тому же указанные санкции представляют собой не что иное, как нарушение основополагающих принципов деятельности международных экономических организаций.

Вступление Российской Федерации в ВТО породило ряд проблем доктринального и практического характера. Среди них отметим следующие вопросы, которые требуют решения. Прежде всего, существует некоторая правовая неопределенность в регулировании прямого действия соглашений ВТО во внутреннем праве России. Озабоченность этим вопросом высказали участники круглого стола в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова [3: с. 183–185]. Ученые отметили, что правила ВТО, а также существующая практика рассмотрения споров в рамках ВТО предоставляют государствам практически неограниченные возможности по оспариванию решений, принимаемых другими государствами. Это означает, что в отношении Российской Федерации могут быть предъявлены многочисленные многомиллионные иски и требования о компенсации ущерба, вызванные принятием Россией и Таможенным союзом ряда мер по установлению таможенного и иного экономического регулирования. При этом анализ международного опыта показывает, что государства, которые занимают ведущее место в мировой торговле, не допускают применения прямого действия норм ВТО в своих национальных правовых порядках.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Глобализация представляет собой сочетание объективных и субъективных факторов, которые в совокупности определяют агрессивное навязывание незападным странам принципов либеральной экономики. Эти принципы вступают в противоречие с ценностями российской правовой традиции.
2. Представляется важной задача сохранения основополагающих принципов российской правовой традиции в условиях агрессивного давления международных финансово-экономических структур.
3. Требуется тщательного научного анализа и решения проблема соотношения норм и правил международных экономических организаций с внутренним правом Российской Федерации.
4. Необходимо доктринальное обоснование и практическое решение вопроса об ограничении прямого действия норм ВТО в правовом порядке России.
5. Требуется решения проблема соотношения норм ВТО и норм Таможенного союза.

Литература

1. Долакова М.И. Особенности развития финансовой политики Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 153–155.
2. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 115–129.
3. Право ВТО в правовом порядке России и Таможенного Союза // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1. С. 183–185.

4. *Степин В.С.* Устойчивое развитие и перспективы цивилизации // Социальная политика и социология. 2005. № 1. С. 24–29.
5. *Честнов И.Л.* Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персонцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России: сб. науч. ст. / под ред. Д.А. Пашенцева. Вып. 10. М.: Готика, 2009. С. 53–57.
6. *Drury R.* The Regulation and Recognition of Foreign Corporations: Responses to the Delaware Syndrome // Cambridge Law Journal. 1998. Vol. 57. Part. I. P. 165–169.

Literatura

1. *Dolakova M.I.* Osobennosti razvitiya finansovoj politiki Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2013. № 33. S. 153–155.
2. *Lukashuk I.I.* Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviyax globalizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2002. № 3. S. 115–129.
3. Pravo VTO v pravoporyadke Rossii i Tamozhennogo Soyuza // Evraziiskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 1. S. 183–185.
4. *Stepin V.S.* Ustojchivoe razvitie i perspektivy' civilizacii // Social'naya politika i sociologiya. 2005. № 1. S. 24–29.
5. *Chestnov I.L.* Chelovecheskoe izmerenie pravovoj real'nosti: na puti k formirovaniyu personocentristskoj teorii prava // Aktual'ny'e problemy' prava v sovremennoj Rossii: sb. nauch. st. / pod red. D.A. Pashenceva. Vy'p. 10. M.: Gotika, 2009. S. 53–57.
6. *Drury R.* The Regulation and Recognition of Foreign Corporations: Responses to the Delaware Syndrome // Cambridge Law Journal. 1998. Vol. 57. Part. I. P. 165–169.

D.A. Pashentsev

Legal Traditions in Russia and the Development of International Economic Organizations

The paper shows the impact of globalization on the development of Russian legal system. It highlights the contradiction between the liberal vector of globalization and legal tradition in Russia. The role of international financial institutions in putting pressure on the domestic legal system is shown.

Keywords: globalization; legal tradition; international economic organizations; the World Trade Organization; legal system.

П.Л. Полянский

Периодизация дореволюционной истории отечественного семейного права. Критика литературы¹

В статье рассматривается традиционная периодизация истории дореволюционного отечественного семейного законодательства, основанная на смене исторических типов монархии и отдельных событиях. Автор подвергает сомнению обоснованность такого подхода.

Ключевые слова: Россия; история права; семейное право; брак; семья; законодательство.

Часть I

Значение периодизации истории семейного законодательства трудно переоценить. Подбор верных критериев для определения этапов развития отрасли позволит одновременно решить несколько задач. Во-первых, будет ясно, какие именно аспекты взаимоотношений супругов и членов семьи интересны законодателю на том или ином временном отрезке, а также причины этого интереса. Во-вторых, можно точнее определить характер вмешательства государства в брачно-семейные отношения подданных. В-третьих, появится возможность адекватно оценить последствия правового регулирования брака и семьи, исходя из выявленных целей и приемов регулирования. В двух частях статьи, объединенных общей тематикой, мы подвергнем анализу традиционную периодизацию дореволюционной истории отрасли, содержащуюся в научной литературе, а затем предложим другую периодизацию, основанную на критерии, совершенно отличном от традиционных.

Литература, посвященная истории брачно-семейного законодательства России за длительный исторический период, практически отсутствует. Наверное, единственным примером обобщающей работы, знакомящей с дореволюционным российским законодательством в целом, является относительно недавно вышедшая в свет книга Н.С. Нижник «Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории» (СПб., 2006) [5]. Автор предлагает два критерия для периодизации истории развития отрасли: вероисповедное состояние большинства населения и характер правления. Соответственно в работе выделено три периода: 1) Древняя Русь «в условиях язычества»; 2) Древняя Русь и Московское государство после принятия

¹ Вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере «Вестника МГПУ».

христианства; 3) Российская империя. Данная периодизация нова лишь отчасти. Автор вводит «религиозный элемент», желая показать определяющее влияние канонических норм на русское право. Вторым критерием — характер правления — был использован еще учеными XIX — начала XX века, разрабатывавшими вопросы истории русского права вообще. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов определял три этапа дореволюционной истории права: земский (княжеский), московский и период империи [1: с. 33]. В.Н. Латкин также выделял три периода: удельно-вечевой, период Московского государства и период империи [3: с. 2]. С точки зрения М.Ф. Владимирского-Буданова (с ним был согласен и П.И. Числов), для разных периодов характерно разное соотношение силы обычая и закона.

Возвращаясь к указанной современной периодизации, необходимо разобрать значение вероисповедного состояния населения Руси для семейно-правовых отношений. С момента крещения Руси в 988 году, по мнению Н.С. Нижник, начинается новый этап их развития. Исследователь считает, что Русская православная церковь присвоила «монопольное право утверждения брака», чему, вероятно, способствовало «распространение Номоканона» [4: с. 15]. Автор специально не затрагивал вопросы распространенности Номоканона на Руси, а также проблему вытеснения обычного права византийским законодательством. Между тем понятие «Номоканон» не только для Руси, но и, пожалуй, для Византии можно считать неким собирательным существительным, поскольку под этим именем ходили самые разные документы на разных языках. О том, что многие византийские источники были известны на Руси только в греческих подлинниках, говорит оценка митрополитом Кириллом II (XIII в.) состояния церковной практики. Владыка нашел «несогласия многа и грубости», вызванные непониманием канонических правил, омраченных «облаком мудрости эллинского языка» [6: с. 85]. Ситуация была отчасти исправлена выпуском в середине XVII века печатной Кормчей книги на русском языке, но и она содержала в себе существенные неточности по сравнению с оригиналом. В XVIII веке это издание уже стало библиографической редкостью, а при переиздании были сохранены все первоначальные недочеты.

Даже наличие славянского перевода не всегда помогало духовенству вследствие слабой образованности многих представителей этого класса. Малограмотных и совсем неграмотных священников можно было найти в изобилии даже в XVIII–XIX веках. Неграмотность приходского духовенства с Древней Руси до XVIII века отмечалась известными церковными историками [2: с. 6]. Но в вопросах христианства священники, даже умеющие читать и писать, были часто столь же невежественны, сколь и их паства [3: с. 95, 160].

Коренной ломке обычаев славян и воспитательной работе в духе христианского вероучения препятствовал характер взаимоотношений духовенства и паствы. В огромном количестве случаев вакансии в приходских храмах до конца XVIII века замещали по договору с прихожанами, поэтому от расположения общины к местному священству напрямую зависело его благополучие и самое

пребывание в духовной должности. В таких условиях духовенство было вынуждено закрывать глаза на нехристианское поведение «пасомого стада» из опаски, как бы чрезмерное рвение не было поставлено им «в вину». Что же касается причтов храмов, построенных феодалами и находящихся на их иждивении, то противодействовать благодетелям они тем более не имели возможности.

Таким образом, воспитательная роль духовенства на Руси не могла быть велика, однако в области брака и семьи она была мала по определению. Венчание и крещение — лишь благодаря этим таинствам православная церковь хоть как-то участвовала в брачно-семейной жизни мирян. К этому необходимо добавить бракоразводный процесс, который хоть и не являлся таинством, но также требовал вмешательства духовенства. Личные и имущественные права и обязанности супругов, а также членов семьи каноническое право христианской церкви восточного исповедания традиционно обходит стороной. Попытки найти отголоски христианского учения в регулировании прав и обязанностей супругов вряд ли можно считать состоятельными. Так, в литературе выдвигается тезис о том, что на христианстве основан принцип единого места жительства супругов, а также единство социального статуса [5: с. 42]. Однако Судебник 1497 года, например, прямо говорит о раздельном проживании членов семьи, если они являются холопами разных господ (ст. 66). Один из современных авторов утверждает, что «с принятием христианства... замужняя женщина рассматривалась уже не как имущество мужа, а как относительно самостоятельное лицо» [5: с. 43]. Однако тот же автор вслед высказывает прямо противоположное замечание: «... в Древнерусском и Московском государстве... муж являлся бесконтрольным повелителем своего семейства» [5: с. 44].

Христианизации брака на Руси мешало еще одно обстоятельство — развитие крепостного права. Значительная доля населения страны фактически оказывалась в состоянии рабства, когда место жительства, род занятий и семейный статус зависели от желания господина. Характерно, что с проведением реформы 1861 года самым первым правом крестьянина как свободного сельского обывателя была провозглашена свобода от вмешательства помещика в его брачные и семейные дела.

Итак, специфика правового положения русского приходского духовенства, уровень его образованности, плохая обработка византийского законодательства и слабая его доступность, крепостное состояние значительной части населения страны — все эти факторы ставят под сомнение ценность выбора Крещения Руси как точки отсчета в периодизации истории семейного права. Нельзя отрицать, что заимствованные канонические брачно-семейные нормы оказали определенное влияние на развитие русского семейного права, но весьма спорно утверждение об *определяющем* влиянии христианского учения на брак и семью.

Более того, можно даже признать, что в России канонические постановления о браке начинают более или менее обеспечиваться принудительной силой, а именно, государственным принуждением примерно с XVIII века,

т. е. именно тогда, когда согласно традиционной периодизации начинается третий период истории семейного права — эпохи империи. Однако участие государства в урегулировании брачно-семейных дел вряд ли можно считать проявлением интереса к вопросам христианской нравственности. Скорее, эти дела попали в сферу влияния законодателя при решении совсем иных задач, и вряд ли будет справедливо упрекнуть правительство в желании отодвинуть церковь от решения вопросов, которые с давних времен входили в область ее ответственности.

В брачно-семейных делах активное применение государственным органами канонического законодательства начинается с организации Святейшего правительствующего синода, который уже в 1723 году принял участие в бракоразводном процессе генерал-прокурора сената П.И. Ягужинского. Первая жена генерал-прокурора, Авдотья Федоровна Хитрово, была, вероятно, психически нездорова, но ее обвиняли в разных «мерзостях» и «скарעדствах». Женщину (если верить материалам следствия) необходимо было лечить, но фаворит императора добился решения о разводе. Синод не сумел установить никаких законных поводов к прекращению брака, кроме как отсутствие Авдотьи Федоровны дома в течение нескольких ночей.

Этот случай может служить одним из первых (если не первым) примеров формального развода в России с участием государственных органов. Как выяснилось, руководящая помощь Синода требовалась в большом масштабе, поскольку низовое духовенство было не в состоянии разрешить значительное количество брачно-семейных дел. Так, в 20-е годы XVIII века в Синод по делу нежинского хорунжего Величковского о самовольном разводе обратился архиепископ Киевский и Галицкий Варлаам. В обращении указывалось, что, помимо хорунжего, еще *во многих случаях* служилые люди самовольно разводятся для вступления в новый брак, причем архиепископ явно затруднялся самостоятельно вынести какое-либо решение. Синод напомнил владыке некоторые канонические нормы, указал на возможность обращаться *за содействием к гражданским властям* и посоветовал не присылать более подобных доношений. На неспособность справиться своими силами с многоженством мирян в 1729 году жаловался в Синод также Тобольский преосвященный. Подобных примеров можно привести немало.

Таким образом, установление неограниченной монархии в России само по себе не означало создание принципиально новых подходов к регулированию брака. Более того, в лице Святейшего правительствующего синода создается механизм, призванный обеспечить соблюдение как раз канонических предписаний в брачных вопросах. Кроме того, здесь часто требовалась и поддержка гражданских властей. Тем не менее в современной литературе можно встретить такое утверждение: «Начало новому этапу в развитии семейного права положила реформаторская деятельность Петра I. В период его правления произошло усиление роли светского законодательства, с помощью которого император пытался

устранить пробелы в существующем каноническом праве» [5: с. 111]. Современный исследователь здесь солидарен с К.А. Неволиним, который, правда, выделял в истории законов о браке и семье не три, а лишь два периода (до и после Петра I) [6: с. 187–188].

Значение реформ Петра I велико, однако верен ли тезис о том, что законодательство Петра и его преемников имело целью устранить пробелы в каноническом праве и что эту деятельность можно считать новым этапом в развитии отрасли? Рассмотрим ряд законов, изданных при Петре. Именной указ от 3 апреля 1702 года, запретивший составление рядных записей с неустойкой за отказ венчаться, был направлен на борьбу с практикой, никак не связанной с каноническими вопросами. Из текста указа ясно, что такие договоры регистрировались в приказе Крепостных дел, при этом не нарушались никакие церковные предписания. Другой указ Петра I, увеличивший в 1714 году вдвое плату за выдачу венечной памяти, в принципе никак не был связан с каноническим правом. Великий реформатор просто попытался использовать для нужд государства отлаженный с эпохи Ивана III механизм сбора венечных пошлин: теперь часть собранного должна была поступать на содержание госпиталей. Еще одно процедурное нововведение Петра I — регистрация браков, рождений и смертей — было обусловлено, судя по всему, в основном фискальными интересами: проведение реформы налогообложения вызвало необходимость регулярного и точного учета ревизских душ, как раз в это время в России шла проверка результатов первой ревизии (переписи).

Указ Петра I 1721 года разрешил пленным шведам жениться на русских женщинах без смены веры. Но и в данном случае мотивом издания указа не было желание ликвидировать пробелы в каноническом праве. Законодатель хотел удержать в России шведов как квалифицированную рабочую силу для добычи и обработки железной руды, при этом такая возможность подтверждалась ссылкой на Священное Писание. Как известно, 23 марта 1714 года был принят знаменитый указ Петра I «О наследии имений». Определяя порядок распоряжения недвижимостью, Петр позаботился о сохранности имущества подростков обоего пола, для чего запрещал всякие сделки с наследниками, не достигшими 20 лет. Там же определен брачный возраст для мужчин — 20 лет, для женщин — 17. При этом наследников мужского пола до указанного возраста надлежало учить грамоте, цифирному счету и другим наукам. Рассматривая приведенные законоположения в контексте петровских реформ, заключаем, что и по вопросу о брачном возрасте речь не шла об изменении церковно-правовых норм. Законодатель заботился о сохранении за дворянскими родами их недвижимости и о возможности получения молодыми дворянами образования без оглядки на семейные связи.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что в начале XVIII века правительство Петра I не стремилось корректировать нормы церковного права, а решало более приземленные задачи: развитие определенных отраслей

промышленности, учет налогоплательщиков, обеспечение благосостояния дворянства. Исходя из этого представляется спорным тезис о том, что деятельность Петра I положила начало *новому этапу* в реформировании семейного права [5: с. 111]. Также спорным видится тезис о том, что создание в XVIII–XVIII веках светского права привело к постепенному вытеснению византийского и русского церковного права [6: с. 201]. Вряд ли какому-нибудь исследователю удастся обнаружить в XVII–XVIII веках борьбу светской и церковной властей за брачно-семейную сферу. В отдельных случаях, судя по жалобам некоторых епархиальных архиереев, гражданская власть немного самовольничала, но Синод еще не осознавал это как проблему и не ставил об этом принципиальных вопросов перед Сенатом или императором.

Приведенные примеры говорят о том, что правительство, решая весьма далекие от интересов православной церкви задачи, в ряде случаев создавало специальные нормы без всякого умысла вытеснить церковь из ее традиционной сферы деятельности. Но по мере осознания церковью и правительством факта, что отдельные вопросы брачно-семейных отношений находятся в двойном подчинении, на законодательном уровне неизбежно происходило разграничение полномочий. Однако это разграничение, как мы полагаем, начнется лишь в XIX веке.

Таким образом, Крещение Руси в X веке и преобразования Петра I в XVIII веке вряд ли могут с полным основанием претендовать на вехи, с помощью которых можно осуществить периодизацию истории брачно-семейного права. Схема, в соответствии с которой языческие обычаи Древней Руси вытесняются византийскими нормами, которые, в свою очередь, уступают первенство государственному регулированию, выглядит слишком прямой и упрощенной.

Выдвинутое дореволюционными историками основание периодизации — изменение соотношения обычая (частно-правового начала) и закона (публичного начала) — также неоспоримо. В третьем периоде (периоде империи), считал М.Ф. Владимирский-Буданов, закон окончательно вытеснил обычай: «Права семейные и право собственности утверждается (при Екатерине II)» [1: с. 33]. Примерно так же рассуждал П.И. Числов, для которого петербургский (или императорский) период означал полное господство закона над обычаем, а гражданское законодательство «начинает регламентировать отношения брачного права, определявшиеся ранее законами церковными» [8: с. 9–10].

Если вытеснение гражданским законодательством церковного здесь уже подвергалось сомнению, то *полное* господство закона над обычаем в XVIII–XIX веках еще требует своего рассмотрения. Вот несколько примеров того, как закон сталкивался со сложившимся обычаем. Так, хотя Петр I и запретил господам принуждать к браку своих крепостных, но сохранившиеся инструкции управляющим хозяйствами Голицыных, Шереметевых и др. говорят о непосредственном воздействии на крестьян в целях понуждения их к браку под угрозой различных санкций. Или, например, гражданское законодательство

установило в 1830 году брачный возраст: 18 лет для мужчин, 16 лет для женщин. Но в 1857 году из-за экономических интересов крестьянской массы Синод дал разрешение епархиальным архиереям венчать с нарушением установленного возраста, но не более чем на полгода.

Сельские обычаи допускали браки двоюродных братьев и сестер, в то время как указ Синода от 19 января 1810 года (и так уже сокративший количество запрещенных к браку степеней родства с седьмой до четвертой) такие супружества безусловно запрещал. Сам император, случалось, разрешал оставлять в силе браки двоюродных братьев и сестер. Правда, всякий раз это происходило секретным повелением. Законодатель даже в XIX веке неоднократно вынужден был расписываться в своей бессилии в борьбе с многоженством, т. е. со вступлением во второй брак при нерасторгнутом правильным образом первом супружестве. Таким образом, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в Российской империи в брачно-семейной сфере царил полное господство закона над обычаем. Скорее, закон *пытался* бороться с неудобными государству обычаями.

Итак, периодизация истории отрасли, традиционная для дореволюционной литературы и некоторых современных исследований, кажется не вполне обоснованной. Какой же подход можно предложить вместо только что рассмотренного? Представляется, что правильнее будет взять за основу не конкретные исторические факты (Крещение Руси), не правление определенного законодателя (Петра I) и не тип государства (различные виды монархии). В качестве критерия для периодизации истории семейного права предлагается взять предмет правового регулирования, чему и будет посвящена вторая часть статьи.

Литература

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 640 с.
2. *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: Летний сад, Коло, 2001. 800 с.
3. *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб.: Коло, 2003. 800 с.
4. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 576 с.
5. *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 272 с.
6. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 590 с.
7. *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.
8. *Числов П.И.* Курс истории русского права (из ученых записок Императорского лицея в память цесаревича Николая). М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 366 с.

Literatura

1. *Vladimirskij-Budanov M.F.* Obzor istorii russkogo prava. Rostov n/D: Feniks, 1995. 640 s.

2. *Znamenskij P.V.* Duhovny'e shkoly' v Rossii do reformy' 1808 goda. SPb.: Letnij sad, Kolo, 2001. 800 s.
3. *Znamenskij P.V.* Prikhodskoe duxovenstvo na Rusi. Prikhodskoe duxovenstvo v Rossii so vremeni reformy' Petra. SPb.: Kolo, 2003. 800 s.
4. *Latkin V.N.* Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.) / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. M.: Zercalo, 2004. 576 s.
5. *Nizhnik N.S.* Pravovoe regulirovanie semejno-brachny'x otnoshenij v russkoj istorii. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2006. 272 s.
6. *Nevolin K.A.* Istoriya rossijskix grazhdanskix zakonov. Ch. 1: Vvedenie i kniga pervaya o soyuzax semejstvenny'x. M.: Statut, 2005. 590 s.
7. *Pavlov A.S.* Kurs cerkovnogo prava. SPb.: Lan', 2002. 384 s.
8. *Chislov P.I.* Kurs istorii russkogo prava (iz ucheny'x zapisok Imperatorskogo liceya v pamyat' cesarevicha Nikolaya). M.: Pechatnya A. Snegirevoj, 1914. 366 s.

P.L. Polyanskiy

**Periodization of Russian Family Law History
in Pre-revolutionary Period. The Review of /literature
(Part I)**

The article studies traditional Russian family law periodization in pre-revolutionary period based on the change of historical types of monarchy. This article is devoted to criticism of this method.

Keywords: Russia; history of law; family law; marriage; family; legislation.

Л.В. Санникова

Правовая сущность головничества в древнерусском праве

В данной работе на основе систематического толкования норм Русской Правды раскрывается понятие «головничество». Доказывается, что вопреки общепризнанному мнению, головничество представляет собой не денежную выплату родственникам убитого, а часть виры, уплачиваемой не за счет верви, а за счет головника при убийстве представителя княжеской администрации.

Ключевые слова: Русская Правда; головничество; головник; вира.

Термин «головничество» хорошо известен современным правоведам. В многочисленных юридических словарях и справочниках дается его определение: «денежный выкуп, выплачивавшийся убийцей (головником) родственникам убитого»¹. При этом складывается впечатление, что такое понимание является единственно верным и не вызывает сомнений у правоведов. Однако это далеко не так. На протяжении всего времени изучения древнерусского памятника права — Русской Правды в научной литературе ведется дискуссия о правовой сущности головничества.

Исследование правовой природы отдельных норм и институтов Русской Правды [5] заставило нас усомниться в правильности общепринятого значения данной правовой категории. Прежде всего, насколько обоснованно приращение термину «головничество» столь широкого значения, так как он встречается только в Пространной Правде и только в одной статье (ст. 5). Его не используют ни в других статьях Русской Правды, ни в других источниках древнерусского права. Следует также отметить, что дореволюционные исследователи, делая вывод о правовой сущности головничества, не приводили аргументов в доказательство своей позиции. В современной юридической литературе исследований данного вопроса вообще нет, авторы лишь присоединяются к доминирующей точке зрения, согласно которой головничество — плата родственникам за убитого.

В условиях отсутствия каких-либо источников, которые бы проливали свет на сущность данного правового явления, единственно возможный на сегодняшний день путь в решении проблемы — раскрыть содержание понятия посредством систематического толкования норм Русской Правды.

Обязанность выплаты денег за голову убитого устанавливается еще в статье 1 Краткой Правды: «Если человек убьет человека, то мстит брат за (убийство) брата, сын за отца или двоюродный брат или племянник со стороны сестры; если

¹ URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/105630> (дата обращения: 20.02.2015).

не будет никого, кто бы отомстил, положить 40 гривен за убитого, если (убитый) будет русин, гридин, купчина, ябедник, мечник или же изгой и словянин, то положить за него 40 гривен» [4: с. 86]. Именно выплата в 40 гривен при отсутствии того, кто бы отомстил, установленная в данной статье, рядом ученых рассматривалась в качестве платы за отказ от мести и называлась головничеством.

Использование термина «головничество» применительно к правовому явлению, закрепленному в Краткой Правде, представляется не вполне корректным. М.Б. Свердлов справедливо напоминает, что названия «Краткая редакция Русской Правды» (КП) и «Пространная редакция Русской Правды» (ПП) могут ввести в заблуждение, что «существовал некий памятник — Русская Правда, которая имела две редакции, краткую и пространную. Но это не так... КП и ПП являются двумя различными памятниками юридической мысли и древнерусской письменности»². Кроме того, Краткая Правда датируется различными исследователями периодом от конца XI века до 30-х годов XII века, а Пространная Правда — началом XIII века, т. е. эти два правовых источника разделены во времени по меньшей мере веком.

Правила статьи 1 Краткой Правды имели исключительно важное значение. По мнению большинства ученых, целью законотворческой деятельности Ярослава являлось установление денежных выплат за противоправные действия. Денежные выплаты стали в Русской Правде альтернативой кровной мести.

При этом одни исследователи считали, что в статье 1 Краткой Правды право мести ограничивалось путем установления круга мстителей. Соответственно в случае отсутствия мстителей назначался денежный выкуп. Так, И.Ф.Г. Эверс писал: «Оно (право мести. — *Л.С.*) предоставляется только родителям и детям, братьям и племянникам... Если мщение ограничивалось известными токмо степенями родства, то для всех прочих случаев надлежало постановить другое возмездие... На место возмездия кровью теперь долженствовало явиться вознаграждение деньгами» [3: с. 17].

Другие полагали, что закон лишь зафиксировал фактическое ослабление действия обычая кровной мести и замены его выкупом. Так, А. Богдановский писал: «Задолго до появления своего в Р. Правде Ярослава уже существовала определенная более или менее система выкупов, по крайней мере в обидах неважных. Правда Ярослава только обозначила существовавшие по обычаю положения и определила более точным образом количества пеней...» [1: с. 24]. Современные правоведы также указывают на то, что «ко времени составления Правды Ярослава кровная месть во многом потеряла свой первоначальный характер» [4: с. 48].

Несмотря на то, что кровная месть частично замещалась выкупом еще в Краткой Правде, аналогичная норма спустя век открывает и Пространную Правду. Отличие состоит лишь в том, что за убийство княжеского мужа и княжеского тиуна устанавливалась вира в размере 80 гривен. При этом в статье 2 Пространной Правды содержится указание на то, что сыновья Ярослава после его смерти на съезде установили запрет на кровную месть и заменили ее денежной выплатой: «и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати» [4: с. 108].

² URL: <http://gkaf.narod.ru/readerhist10/rpnew.html> (дата обращения: 20.02.2015).

Такое противоречие в литературе объясняется существовавшей традицией включать в закон не только новые нормы, но и не действующие. Так, А.А. Зимин пояснял: «В этом памятнике обычно перед сообщением о важных нововведениях излагается старая законодательная норма, которая отменялась или видоизменялась последующей» [2: с. 137]. Можно согласиться с тем, что упоминание в Пространной Правде о праве на кровную месть носит сугубо формальный характер. К этому времени, спустя век после установлений Краткой Правды, денежные выплаты должны были уже полностью вытеснить кровную месть. Косвенно об этом свидетельствует внимание законодателя к размерам денежных выплат и более детальной регламентации порядка их взимания.

Согласно статьям 3–8 Пространной Правды вира выплачивалась общиной — вервью, на территории которой было обнаружено тело убитого. Причем, по мнению большинства авторов (А. Богдановский, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н. Ланге), виру платили в том случае, когда община не предпринимала мер по поиску убийцы — головника. За убийство члена общины — людина вира составляла 40 гривен, за убийство князя мужа уплачивали двойную виру — 80 гривен.

В статье 4 Пространной Правды допускается рассрочка в выплате дикой виры, т. е. виры за чужую вину, когда убийца не был найден или не был выдан общиной. Если же убийца известен и является членом верви, то в случае выплаты вервью дикой виры на головника возлагается обязанность по выплате головничества (ст. 5 Пространной Правды). Головник участвует в выплате виры вервью и в том случае, если убийство было совершено открыто во время ссоры или на пиру (ст. 6 Пространной Правды). Если же убийство было совершено «без вины на разбое» (возможно, под этим понимается умышленное убийство либо убийство в корыстных целях), вервь освобождается от выплаты виры и выдает убийцу, его жену и детей «на поток и на разграбление» (ст. 7 Пространной Правды). В статье 8 Пространной Правды устанавливается, что вервь освобождается от выплаты виры, если ее член, совершивший убийство, ранее не участвовал в платежах дикой виры.

Таким образом, в статье 5 Пространной Правды регламентируется частный случай выплаты вервью виры, когда убийца был известен и являлся членом верви. Данная статья органично включена в группу статей (ст. 3–8 Пространной Правды), посвященных выплате виры вервью.

В Краткой Правде обязанности верви по выплате виры устанавливаются только при убийстве огнищанина (княжеского чиновника). При убийстве огнищанина «в обиду» люди (вервь) освобождаются от уплаты виры (ст. 19 Краткой Правды). Если же огнищанин был убит «в разбое» или вервь не ищет убийцу, обязанность по уплате виры возлагается на вервь (ст. 20 Краткой Правды).

Сравнение статей 19–20 Краткой Правды и статей 3–8 Пространной Правды показывает, что в Пространной Правде порядок выплаты виры вервью существенно детализируется. О головничестве упоминается только во второй части статьи 5 Пространной Правды, и то лишь в связи с выплатой вервью дикой виры, т. е. когда вервь берет на себя обязанность по выплате виры за своего члена, не выдавая его. Исходя из этого, головничество логичнее толковать как ту часть виры, которую уплачивает головник.

Заслуживает внимания и тот факт, что в статье 5 Пространной Правды не определен размер головничества. Отсутствие указания на конкретный размер головничества, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, А.И. Соболевского, Е.Н. Щепкина, свидетельствовало о том, что размер головничества не был фиксирован [4: с. 50]. А.А. Зимин полагал, что размер головничества составлял 40 гривен. При этом он исходил из положений статьи 1 Краткой Правды.

Представляется, что факт отсутствия указания на размер головничества также имеет важное значение для толкования данного понятия. Прежде всего это свидетельствует о том, что цель правового регулирования заключалась именно в определении объема участия верви в выплате дикой виры, когда вервь не выдает убийцу. Объем такого участия установлен в статье 5 Пространной Правды в размере 40 гривен, в выплате которых должен участвовать и сам убийца: «...а в 40 гривен ему заплатите ис дружины свою часть» [4: с. 109].

При сопоставлении статей 5 и 1 Пространной Правды, устанавливающих виру за убийство в размере 80 и 40 гривен, закономерно возникает вопрос и о возможном размере головничества. При размере виры 80 гривен на вервь могла быть возложена обязанность согласно статье 5 Пространной Правды по оплате только 40 гривен, следовательно, остальную сумму должен был выплатить убийца. При таком подходе вервь должна была выплатить дикую виру в размере 80 гривен, из которых 40 гривен платила вервь, а 40 гривен — головник.

Однако при размере виры 40 гривен за убийство людина получается, что убийца участвует только в выплате вервью виры наряду с другими членами верви. Возможна ли такая ситуация? Судя по части первой статьи 5 Пространной Правды, вполне возможна, так как в ней прямо указывается на обязанность верви помогать головнику, если он участвовал в выплатах виры в аналогичных случаях. Кроме того, согласно статье 6 Пространной Правды при убийстве открыто во время ссоры или на пиру убийца платит не сам, а вместе с вервью, если он принимал участие в таких платежах.

Таким образом, из текста Пространной Правды следует, что головничество имеет место только в одном случае при выплате дикой виры, когда вервь не выдает убийцу — члена верви. Исходя из размера виры, уплачиваемой вервью, можно сделать вывод, что головничество в размере 40 гривен устанавливается только в случае убийства «княжа мужа», вира за которого составляла 80 гривен.

В связи с этим представляется целесообразным сопоставить положения статьи 5 Пространной Правды со статьей 19 Краткой Правды. Как указывалось выше, в статье 19 Краткой Правды при убийстве огнищанина 80 гривен платил только убийца, а люди (вервь) от платы освобождались. Причем некоторые исследователи полагают, что закон запрещал общине помогать преступнику в уплате штрафа, чтобы сделать наказание более суровым [4: с. 59]. Можно предположить, что правило, сформулированное в части второй статьи 5 Пространной Правды, было призвано изменить сложившуюся практику и разрешить верви платить дикую виру, но только часть ее.

Таким образом, сфера действия части второй статьи 5 Пространной Правды ограничивается лишь одним случаем, когда при убийстве представителя

княжеской администрации вервь не выдает своего члена, совершившего убийство, а выплачивает за него дикую виру в размере 80 гривен. При этом доля верви составляет 40 гривен, и в ее выплате убийца должен участвовать наряду с другими членами верви. Оставшаяся часть подлежала выплате за счет самого убийцы-головника, поэтому она именовалась головничеством.

Если изучать головничество с указанной позиции, то становится ясно, почему термин «головничество» нигде больше не встречается, так как он относится к частному случаю. Рассматривая головничество как институт древнерусского права, данный факт трудно объяснить.

При таком подходе головничество не может в принципе быть выплатой родственникам убитого. Выплата за убийство «княжа мужа» явно предназначалась князю. В связи с этим представляется правильным считать головничество частью виры, уплачиваемой не за счет верви, а за счет головника.

Литература

1. *Богдановский А.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М.: Тип. Каткова и Ко, 1857. 148 с.
2. Памятники русского права: в 8 т. Т. 1: Памятники права Киевского государства (X–XII вв.) / ред. С.В. Юшков; сост. А.А. Зимин. М.: Юрид. литература, 1952. 287 с.
3. Правда Русская: комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. Т. II. М.–Л.: АН СССР, 1947. 506 с.
4. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство Древней Руси / отв. ред. тома В.Л. Янин. Т. I. М.: Юрид. литература, 1984. 432 с.
5. *Санникова Л.В.* Институты частного права в Русской Правде. М.: Статут, 2014. 80 с.

Literatura

1. *Bogdanovskij A.* Razvitie ponyatij o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra Velikogo. M.: Tip. Katkova i Ko, 1857. 148 s.
2. Pamyatniki russkogo prava: v 8 t. T. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva (X–XII vv.) / red. S.V. Ushkov; sost. A.A. Zimin. M.: Yurid. literatura, 1952. 287 s.
3. Pravda Russkaya: komentarii / pod red. B.D. Grekova. T. II. M.–L.: AN SSSR, 1947. 506 s.
4. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi / отв. red. тома V.L. Yanin. T. I. M.: Yurid. literatura, 1984. 432 s.
5. *Sannikova L.V.* Instituty' chastnogo prava v Russkoj Pravde. M.: Statut, 2014. 80 s.

L.V. Sannikova

Legal Entity of Golovnichestvo in Old Russian Right

The article reveals the concept of golovnichestvo on the basis of a systematic interpretation of the rules of the Russian Truth. It is proved that, contrary to the common opinion, golovnichestvo is not a cash payment to relatives of a killed person but a part of a fine for murder, paid not by the work yard but by golovnik at killing a representative of princely administration.

Keywords: the Russian truth; golovnichestvo; golovnik; a fine for murder.

**С.А. Афанасьева,
М.А. Орлов**

Некоторые особенности организации и деятельности Счетной палаты Российской Федерации

В статье сопоставлены нормы ранее действовавшего Федерального закона от 11 января 1995 года № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» и Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», определяющего правовой статус Счетной палаты РФ в настоящее время. Выявлены позитивные и негативные последствия изменений законодательства о Счетной палате, определены некоторые пробелы в правовом регулировании деятельности данного органа.

Ключевые слова: государственный аудит; высший контрольный орган; независимость; закон; правовой статус; Счетная палата.

В условиях, когда экономическая ситуация заставляет особенно бережно относиться к расходованию бюджетных средств, важное значение имеет правовое регулирование финансово-контрольной деятельности. В качестве одного из базовых составных элементов государственного контроля финансовой действительности выступает государственный аудит. Органом внешнего государственного аудита в Российской Федерации является Счетная палата, которая начала работу в июне 1995 года после принятия соответствующего закона и назначения аудиторов Счетной палаты. Формировалась Счетная палата Российской Федерации в переходный период, характеризующийся политической, социальной и экономической нестабильностью в обществе, что во многом объясняет причину недостаточно четкого определения ее правового статуса и полномочий. Федеральный закон от 11 января 1995 года № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» за время своего действия неоднократно изменялся, однако в нем всегда оставались спорные моменты, требующие уточнения. С целью исправить такое положение, привести правовое регулирование к международным стандартам, зафиксированным в Лимской декларации [6: с. 26], и был принят новый Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [3].

Лимская декларация руководящих принципов контроля, принятая Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году, закрепляет необходимость наличия в каждом государстве высшего контрольного органа [6: с. 26]. В России до 2013 года единственным контрольным органом являлась Счетная палата Российской Федерации. Вместе с тем Федеральный закон 1995 года не определял Счетную палату как высший контрольный орган. Согласно закону 2013 года Счетная палата приобрела статус высшего органа внешнего государственного аудита (контроля). Экс-глава Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин прокомментировал данное изменение следующим образом: «С инициативой новой редакции выступила сама Счетная палата. Поправки разработаны на основе 17-летнего опыта деятельности и прямо вытекают из поставленных Президентом задач по радикальной модернизации всей системы государственного управления. Государственный контроль — часть госуправления, и его эффективность прямо влияет на результаты социально-экономического развития. В этом плане закон о Счетной палате должен замкнуть и обеспечить устойчивость нового, более эффективного и конкурентоспособного контура управления страной» [8: с. 77].

Сравнивая структуру законов 1995 и 2013 годов, необходимо отметить, что существенные отличия практически отсутствуют. Оба закона содержат главы «Общие положения» и «Состав и структура Счетной палаты». Незначительно изменены названия некоторых глав, например: «Порядок деятельности Счетной палаты» изменен на «Содержание деятельности и полномочия Счетной палаты», «Заключительные положения» на «Обеспечение деятельности Счетной палаты». В законе 2013 года появилась глава «Организация деятельности Счетной палаты», которая содержит новые положения об организации работы Счетной палаты, вместе с тем глава напоминает статью 10 ранее действовавшего закона. В главу 1 Федерального закона от 5 апреля 2013 года добавлены статьи, определяющие предмет (ст. 1) и правовые основы деятельности (ст. 3) Счетной палаты Российской Федерации.

Существенно расширены задачи Счетной палаты, в число которых входят следующие:

- 1) целевой и эффективный контроль использования средств федерального бюджета (вместо своевременного контроля);
- 2) аудит реализуемости и результативности достижения стратегических целей социально-экономического развития России;
- 3) развитие возможностей и методов аудита;
- 4) оценка эффективности предоставления налоговых льгот, бюджетных кредитов;
- 5) оценка достоверности бюджетной отчетности главных администраторов средств федерального бюджета;
- 6) обеспечение мер по противодействию коррупции.

При этом финансовую экспертизу проектов федеральных законов законодатель решил перевести из категории «задачи» в категорию «виды деятельности».

Такое решение вполне логично и обоснованно с точки зрения законодательной техники и дальнейшей реализации данного вида деятельности.

Глава 2 также претерпела существенные изменения. Были пересмотрены порядок назначения на должность, права и обязанности Председателя Счетной палаты, заместителя Председателя, аудиторов, инспекторов и иных сотрудников Счетной палаты, определен порядок досрочного снятия с должности Председателя, заместителя Председателя, аудитора. При этом структура должностей Счетной палаты осталась прежней.

Председатель, как и прежде, назначается Государственной Думой, а заместитель Председателя — Советом Федерации сроком на 6 лет. Однако теперь в назначении на данные должности определяющую роль играет Президент Российской Федерации, которому представляют кандидатуры для замещения на эту должность. При отказе от трех кандидатур, предложенных Президенту, он может сам назвать кандидатуру и внести это предложение на рассмотрение в Государственную Думу. Председатель и заместитель Председателя, согласно новому закону, не могут иметь гражданства иностранного государства или вида на жительство в иностранном государстве.

Для назначения на должность Председателя или заместителя Председателя Счетной палаты кандидатурам на данные должности необходимо иметь высшее образование в сфере государственного управления, контроля, экономики, финансов или юриспруденции и стаж работы не менее 5 лет. Ранее действующий закон не предусматривал таких требований, как наличие стажа работы и высшего образования по специальности «юриспруденция». Подобные нововведения, безусловно, должны позитивно отразиться на эффективности работы Счетной палаты, повысив профессиональный уровень ее сотрудников.

Правовой статус кандидатов в аудиторы Счетной палаты также претерпел похожие изменения. Аудиторами теперь могут быть назначены граждане РФ, которые отвечают следующим требованиям: не имеют иностранного гражданства или вида на жительство в иностранном государстве; имеют высшее образование в сфере государственного управления, контроля, экономики, финансов или юриспруденции и стаж работы не менее 5 лет.

Ранее действовавший Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» в пределах одной четверти от общего числа аудиторов допускал назначение на должность аудиторов лиц, не имеющих соответствующего профиля подготовки по программам высшего образования.

Аудитор, так же как Председатель и заместитель Председателя Счетной палаты, не может состоять в родственных связях с лицами, занимающими высшие государственные должности Российской Федерации. В Федеральном законе 1995 года такая норма отсутствовала.

Статья 10 закона 2013 года предусматривает полный список видов деятельности, запрещенных для аудиторов, заместителя Председателя и Председателя Счетной палаты. Ранее действовало универсальное правило о недопустимости занятия любой другой деятельностью, кроме преподавательской, творческой и научной.

Также в статье 10 нового закона закреплена обязанность для вышеуказанных лиц, их супругов и несовершеннолетних детей представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и имущественных обязательствах.

Правовой статус Коллегии Счетной палаты также претерпел некоторые изменения. Так, в состав Коллегии закон 2013 года, помимо Председателя Счетной палаты, заместителя Председателя Счетной палаты, аудиторов, включили Руководителя аппарата Счетной палаты. Полномочие принятия Регламента Счетной палаты в законе 2013 года теперь отсутствует. Члены Коллегии или группа членов Коллегии Счетной палаты, несогласные с ее решением, как и прежде, вправе подать Председателю Счетной палаты свое особое мнение.

Аппарат Счетной палаты, согласно действующему закону, включает в себя Руководителя и сотрудников (штатных и внештатных); по закону 1995 года все сотрудники аппарата должны были находиться в штате.

В статье 13 Федерального закона 2013 года «О Счетной палате Российской Федерации» перечислены функции Счетной палаты. Их количество заметно увеличилось (с 6 до 26), однако в целом новые функции являются логическим продолжением старых. Например, неизменными остались такие функции, как экспертиза проектов законов федеральных бюджетов, внешняя проверка годовой бюджетной отчетности, проверки бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, оценка влияния внутренних и внешних условий на фактический уровень достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации, проведение аудита систем финансовых расчетов. Вместе с тем появились и совершенно новые функции: контроль состояния долга иностранных государств и (или) иностранных юридических лиц перед Российской Федерацией, бюджетных кредитов, предоставленных из федерального бюджета, или взаимодействие с высшими органами государственного аудита (контроля) иностранных государств и их международными объединениями на двусторонней и многосторонней основе. На Счетную палату могут быть возложены и иные функции, не предусмотренные новым Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации» (ч. 2 ст. 13).

Полномочия Счетной палаты, закрепленные в статье 14 Закона 2013 года, обусловлены ее функциями, перечисленными в статье 13. Что касается области действия контрольных полномочий Счетной палаты, то она была расширена путем включения в Закон 2013 года норм, позволяющих проводить Счетной палате внешний государственный финансовый аудит в отношении всех категорий юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, которые занимаются торговлей с использованием средств государственных бюджетов, а также иных организаций (ч. 4 ст. 15 Закона). Включение в объекты контроля Счетной палаты индивидуальных предпринимателей, физических лиц, осуществляющих торговлю с использованием средств государственных бюджетов, обосновано принятием Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего

предпринимательства в Российской Федерации», статья 17 которого предусматривает финансовую помощь субъектам предпринимательства [2].

Закон о Счетной палате 2013 года регламентирует методы контроля, используемые Счетной палатой, — ревизию, мониторинг, обследование и анализ. Действующий закон «О Счетной палате Российской Федерации» закрепляет порядок проведения предварительного, оперативного и последующего контроля формирования и использования средств федерального бюджета (ст. 18–20), в то время как закон 1995 года — только оперативного контроля. Следует учесть, что в период действия Закона 1995 года детальная регламентация предварительного и последующего контроля происходила на уровне подзаконных актов — Регламента Счетной палаты и Стандарта финансового контроля (СФК)¹. Регламентация предварительного и последующего контроля федеральным законом обеспечит стабильность и эффективность его проведения.

Усилен государственный аудит (контроль) со стороны Счетной палаты Российской Федерации над банковской системой. Помимо контроля основной хозяйственной деятельности Центрального банка стало возможным проверять и операции, относящиеся к государственной тайне. При этом определены основания проверок хозяйственной деятельности ЦБ РФ и его структурных подразделений и учреждений. Проверка производится по решению Государственной Думы РФ, принимаемому на основании предложения Национального финансового совета.

Глава 4 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» 2013 года посвящена организации деятельности Счетной палаты, которая включает в себя утверждение Регламента Счетной палаты (ранее такой порядок был прописан в статьях 7 и 11 Федерального закона 1995 года «О Счетной палате Российской Федерации»), определяющего основные направления деятельности Счетной палаты. Новеллой Закона 2013 года стали нормы, определяющие порядок создания стандартов Счетной палаты (ст. 35). В Федеральном законе «О Счетной палате Российской Федерации» 1995 года о стандартах было только одно положение в статье 10, где говорилось, что планирование работы Счетной палаты осуществляется на основе разрабатываемых Счетной палатой для этих целей технико-экономических норм и нормативов, контрольных и ревизионных стандартов, методических указаний. Также было введено обязательное страхование для работников Счетной палаты, были расширены права, обязанности и ответственность инспекторов при выполнении ими служебных проверок (например, направлять запросы в органы государственной власти или требовать от руководителей организаций письменных объяснений), при этом эксперт не имеет права вмешиваться в хозяйственную деятельность проверяемой организации.

Практически без изменений остались гарантии при исполнении должностными лицами Счетной палаты своих обязанностей (гл. 5 Закона 2013 г.). Сохранены гарантии при увольнении и последующем содержании членов Счетной палаты Российской Федерации.

¹ Регламент Счетной палаты Российской Федерации. URL: <http://audit.gov.ru/about/document/> (дата обращения: 25.03.2015).

Существенному изменению подверглась статья 30 Федерального закона 1995 года, которая предписывала предусматривать средства на содержание Счетной палаты отдельной строкой в бюджете. В Законе 2013 года предусмотрено, что «финансовое обеспечение деятельности Счетной палаты осуществляется в объеме, позволяющем обеспечить возможность осуществления возложенных на нее полномочий». Также бюджетные ассигнования на обеспечение деятельности Счетной палаты предусматриваются в Федеральном законе о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период [4].

Закон 2013 года, безусловно, в большей степени соответствует требованиям законодательной техники, закрепляет множество правил, которые ранее были предусмотрены только регламентом Счетной палаты. Это не могло не сказаться и на объеме закона (42 статьи вместо 34). При этом по количеству печатных знаков закон 2013 года превосходит закон 1995 года более чем в два раза.

Несмотря на то что в целом законодательство о Счетной палате Российской Федерации приобрело устойчивый и вполне законченный характер, не стоит забывать и о таком критерии хорошего закона, как его ясность и доступность для понимания. В этом отношении пока еще остаются некоторые проблемы.

При принятии Федерального закона 2013 года некоторые пробелы и спорные вопросы, имевшиеся в прежнем законе, так и не были устранены [7: с. 9]. Например, одно из противоречий касается проблемы реализации Счетной палатой РФ принципа независимости. Способ формирования Счетной палаты, образуемой палатами Федерального Собрания, предполагает ее независимость и главенствующее положение в системе других контрольных органов государства. Вместе с тем Счетная палата остается зависимой от законодательного органа не только в вопросе ее образования, но и в подотчетности, что в принципе противоречит Конституции РФ. Таким образом, есть основания полагать, что Счетная палата Российской Федерации относительно, а не абсолютно самостоятельный орган.

По-прежнему открыт вопрос о финансовой независимости Счетной палаты Российской Федерации. В Законе 2013 года сохранилась норма статьи 30 Закона 1995 года, в соответствии с которой контроль использования Счетной палатой средств федерального бюджета осуществляется на основании решений Президента Российской Федерации, постановлений Совета Федерации и (или) постановлений Государственной Думы (ст. 41 Закона 2013 г.). Так, для проведения контрольных мероприятий необходимы соответствующие решения Президента РФ, а также постановления Совета Федерации и Государственной Думы. Постановления Государственной Думы и Совета Федерации принимаются по инициативе не менее одной пятой общего числа членов Совета Федерации и (или) депутатов Государственной Думы. На наш взгляд, целесообразно было бы регламентировать порядок проведения мероприятий по контролю использования Счетной палатой средств федерального бюджета, указать орган, уполномоченный контролировать исполнение Счетной палатой средств федерального бюджета, например, специально созданную для этих целей ревизионную комиссию из аудиторов или иных лиц.

Таким образом, Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» устранил некоторые недостатки Федерального закона от 11 января 1995 года № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», позитивно повлиял на законность и целесообразность распределения и использования бюджетных средств и иного государственного имущества. Но и он в силу ряда отмеченных выше обстоятельств требует дальнейшего совершенствования в целях повышения эффективности контрольно-ревизионной и экспертно-аналитической деятельности органов внешнего финансового аудита (контроля).

Литература

1. Федеральный закон от 11.01.1995 № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 167.
2. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 16. Ст. 1829.
4. Приложение 16 к Федеральному закону от 02.12.2013 г. № 349-ФЗ «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 49 (ч. V). Ст. 6350.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации // Сборник постановлений Конституционного Суда РФ / под ред. Г.А. Жилина. М.: Омега-ЭЛ, 2000. 208 с.
6. Пашенцев Д.А. Система и принципы организации финансового контроля в европейских странах // Евразийский юридический журнал. 2012. № 46. С. 26–28.
7. Саунин А.Н. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации»: новая редакция с новыми проблемами // Финансовое право. 2014. № 5. С. 8–14.
8. Точка отсчета: интервью Сергея Степашина «Российской газете» // Российская газета. 2013. Федеральный выпуск. № 6053 (77).

Literatura

1. Federal'ny'j zakon ot 11.01.1995 № 4-FZ «O Schetnoj palate Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 3. St. 167.
2. Federal'ny'j zakon ot 24.07.2007 № 209-FZ «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 31. St. 4006.
3. Federal'ny'j zakon ot 05.04.2013 № 41-FZ «O Schetnoj palate Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 16. St. 1829.
4. Prilozhenie 16 k Federal'nomu zakonu ot 02.12.2013 № 349-FZ «O federal'nom byudzhete na 2014 god i na planovy'i period 2015 i 2016 godov» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. № 49 (ch.' V). St. 6350.
5. Kommentarij Konstitucii Rossijskoj Federacii // Sbornik postanovlenii Konstitucionnogo Suda RF / pod red. G.A. Zhilina. M.: Omega-E'L, 2000. 208 s.
6. Pashencev D.A. Sistema i principy' organizacii finansovogo kontrolya v evropejskix stranax // Evrazijskii yuridicheskij zhurnal. 2012. № 46. S. 26–28.

7. Saunin A.N. Federal'ny'j zakon «O Schetnoj palate Rossijskoj Federacii»: novaya redakciya s novy'mi problemami // Finansovoe pravo. 2014. № 5. S. 814.

8. Tochka otscheta: interv'yu Sergeya Stepashina «Rossijskoj gazete» // Rossijskaya gazeta. 2013. Federal'ny'j vy'pusk. № 6053 (77).

S.A. Afanasyeva,

M.A. Orlov

Some Features of the Organization and Activities of the Accounts Chamber of the Russian Federation

The article compares the pre-existing rules of the Federal Law of January 11, 1995 № 4-FZ «About the Accounts Chamber of the Russian Federation» and the Federal Law of 05.04.2013 № 41-FZ «On the Accounts Chamber of the Russian Federation», which determines the current legal status of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Positive and negative effects of changes in the law on the Audit Chamber are revealed, some gaps in the legal regulation of the activities of this body are identified.

Keywords: state audit; the Supreme Audit Institution; independence; law; legal status; Audit Chamber.

И.Н. Куксин

Ответственность: социальное и юридическое содержание¹

В статье рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся содержания социальной и юридической ответственности. Автор анализирует существующие мнения об указанных видах ответственности. Особое внимание уделяется анализу ретроспективной и позитивной юридической ответственности.

Ключевые слова: ответственность; социальная ответственность; позитивная ответственность; ретроспективная (негативная) ответственность.

Николай Васильевич Витрук писал: «Юридическая ответственность — важнейший институт любой правовой системы, один из существенных признаков права, необходимый элемент механизма его действия. В силу этого проблема юридической ответственности занимает одно из центральных мест в общей теории права и в отраслевых юридических науках. Несмотря на ее традиционный характер, она всегда актуальна» [3: с. 3].

Рассмотрение любой проблемы в юриспруденции начинают с анализа философских положений, относящихся к той или иной категории. Объясняется это тем, что философская трактовка проблемы придает импульс системному анализу изучаемого явления.

Что такое «ответственность» в самом широком ее понимании? Ответственность — это одновременно и чувство, и сознание, и общественная связь, и стимул, и санкция. Ответственность может и побуждать к определенной деятельности, и препятствовать совершению каких-либо действий. Анализ термина «ответственность» показывает, что во многих языках он трактуется одинаково [18: с. 703; 8: с. 717; 3: с. 7], т. е. подразумевает исполнение обязанности, долга, необходимость отчитаться за свое поведение.

Современные знания не позволяют достаточно четко определить, с какого времени человек начал поступать ответственно, т. е. осознавать свою обязанность отвечать за содеянное, сознательно контролировать свое поведение. Вероятно, появление социальной ответственности связано с решением вопроса о том, когда и по какой причине человек начал осознавать себя активным субъектом окружающей его действительности.

Термин «ответственность» в науку впервые ввел английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета Томас Гоббс (1588–1679) в XVII веке [6: с. 231–234].

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «Консультант Плюс».

Если обратиться к философской науке, то под ответственностью понимают категорию, «отражающую объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований» [24: с. 469]. Особенность этого взаимоотношения состоит в том, что любое лицо относится к тем или иным требованиям тройко — положительно, отрицательно либо нейтрально. С точки зрения реализации обязанности вариант может быть только двояким — либо требование выполняется, либо нет. Следовательно, социальная ответственность может возникать только в достаточно развитом обществе (социуме), где каждый сознает себя не только частью целого, но и индивидуальной личностью.

Раскрывая социальную сущность ответственности, необходимо указать, что начиная с XIX века этот термин в философской литературе стали трактовать с позиций категорий свободы и необходимости. Такой подход позволил связать ответственность не только со свободой, но и с обязанностью лица. Субъект, обладающий свободой воли, обязан исполнять требования, предъявляемые ему обществом (позитивное содержание ответственности), и нести бремя последствий за их неисполнение (негативный аспект).

Таким образом, трактовка ответственности жестко начала смыкаться со свободой воли (способность принимать решения со знанием дела), свободой выбора поведения. Ответственность есть обратная сторона свободы, они неразделимы. Индивид, обладая избирательностью, определяет характер своего поведения, но при этом он должен соотносить его с социальными требованиями.

Речь об ответственности следует вести во всех случаях, когда ставится вопрос о соответствии либо несоответствии поведения субъекта тем требованиям, которые предъявляются к нему обществом. Логично утверждать, что если свобода представляет собой способность принимать решения со знанием дела, то ответственность — это необходимость принятия решения, соответствующего либо не соответствующего социальным требованиям, которые предъявляются к личности. В реальной действительности субъект, познав необходимость, волен принимать такое решение, которое он считает нужным, так как он свободен в выборе вариантов поведения. Вместе с тем субъект, обладая правом выбора того или иного варианта поведения, одновременно обязан отвечать за свои действия и за их последствия. *«Необходимость выступает объективной предпосылкой ответственности, субъективной же предпосылкой служит свобода воли»* [3: с. 3].

Итак, в содержании социальной ответственности присутствуют единство объективного (требование к должному поведению субъекта) и субъективного (отношение лица к объективным требованиям, предъявляемым к его поведению).

Опираясь на труды ученых, работавших над проблемами социальной ответственности [3–5; 7; 9; 12], можно предложить следующее определение этого понятия.

Социальная ответственность — это вид общественных отношений в социально организованном обществе, в основе которого лежит право субъекта выбрать вариант поведения на основе своего волеизъявления и одновременно нести ответственность в установленной форме за свои действия.

Из данного определения вытекают признаки, характеризующие сущность социальной ответственности.

Во-первых, человек есть существо социальное. Индивид не может жить вне системы общественных отношений, вне связи с другими людьми. Он связан многочисленными невидимыми нитями с обществом, а поэтому его деятельность протекает не хаотично, а в определенном порядке, подчиняясь законам общественного развития. Регулирование и упорядочение общественных отношений осуществляется посредством совокупности определенных правил, норм, прав и обязанностей, которые существуют в обществе на конкретно-историческом этапе его развития. Таким образом, социальная ответственность, основанная на социальных нормах, выступает регулятором общественных отношений. Этот тезис — исходная методологическая основа для понимания природы, сущности и назначения социальной ответственности.

Во-вторых, обязательным условием жизнедеятельности общества является соблюдение субъектами общественных отношений прав и обязанностей. Поэтому исходным началом социальной ответственности выступает, с одной стороны, способность лица знать требования правил, норм, регулирующих общественную жизнь, а с другой — предвидеть последствия своих действий и поступков. Это положение связано с установлением умысла (лицо осознает, предвидит и желает). Следовательно, социальная ответственность — это вид общественных отношений в социально организованном обществе, что предопределяет обязанность лица, обладающего свободой воли, нести ответственность в рамках социальной нормы за свои поступки.

В-третьих, лицо, выбирая вариант поведения в рамках тех требований, которые предъявляет к нему общество, прилагает определенные усилия, т. е. волеизъявление. Интеллект и воля напрямую связаны с интересами личности. Под влиянием экономических, политических, культурных и иных отношений формируются интересы личности в обществе. Моральная убежденность, мировоззренческая ориентация личности — это последствия, господствующие в обществе отношений, которые и формируют в личности общественные интересы. Этот вывод позволяет утверждать, что социальная ответственность не только представляет собой систему отношений между членами общества, но и позволяет контролировать их поведение.

В чем ценность учения о социальной ответственности? Она заключается прежде всего в том, что выступает системой общественных отношений, пронизывает всю их структуру, характеризуя взаимосвязи и взаимозависимости носителей этих отношений, наконец, она охватывает все формы и виды ответственности и выступает основой их классификации. Например, в научных источниках выделяют такие виды ответственности: по количественному

составу субъектов ответственность подразделяют на личную и групповую; по способам регулирования — на моральную и юридическую; с точки зрения временного фактора устанавливается ответственность за прошлое (ретроспективная, или негативная ответственность) и ответственность за предстоящее действие (перспективная, или позитивная ответственность).

Если Томас Гоббс ввел термин «ответственность», то его соотечественник Джон-Стюарт Милль (1806–1873) почти двумя столетиями позже в XIX веке впервые применил термин «ответственность» только в сугубо ретроспективном виде [15: с. 27–28]. Именно Джона-Стюарта Милля следует считать родоначальником понятия негативной ответственности как воздаяния за совершенное [1: с. 27].

Юридическая ответственность представляет собой одну из разновидностей социальной ответственности. Она выступает подсистемой социальной ответственности и охватывает все виды юридической ответственности.

Ретроспективная или негативная ответственность на долгие годы предопределила связь ответственности с возмездием, наказанием. Объяснить этот феномен можно тем, что этим видом ответственности занимались исключительно только юристы, и их, естественно, интересовала прежде всего негативная из всех видов ответственности — уголовная ответственность за преступное деяние.

Особо следует отметить, что этот вид юридической ответственности господствовал в советской юриспруденции. Повышенное внимание советских ученых к нему было закономерным, ибо юридическая ответственность за правонарушения — самая острая тема правовой науки. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные юридической ответственности, ее определение всегда неоднозначно трактовали.

Ретроспективная юридическая ответственность — это ответственность за совершенное правонарушение, предусмотренное законом, имевшее место в прошлом. Следовательно, основанием наступления ретроспективной юридической ответственности служит правонарушение, противоправное деяние. Реакция государства на противоправное деяние состоит в справедливом воздаянии.

Раскрывать содержание юридической ответственности нужно только в рамках законов, определяющих состав правонарушений и санкций за их совершение. Поэтому трактовка юридической ответственности должна основываться на нормах и принципах права, за пределами которого нет ни правонарушений, ни санкций, а следовательно, не должно быть ни ответственности, ни принуждения. «При теоретическом исследовании проблем ответственности попытки выйти за пределы права, а то и вообще уйти от права как предмета исследования, подменить ту часть права, которая определяет основания и порядок осуществления ответственности, чем-то другим, посторонним праву, не могут дать положительного ответа» [17: с. 662].

При раскрытии содержания юридической ответственности спор ученых идет вокруг трактовки термина «ответственность». Если обратиться к научным публикациям, в которых авторы предлагают формулировки юридической

ответственности, то многие из них связывают «ответственность с обязанностью». Такой подход порожден определением: «отвечать — значит дать отчет, отчитаться в содеянном»². Его приверженцы за основу берут словари русского языка, где ответственность трактуется как обязанность отвечать за свои действия, поступки, за что-либо [18: с. 703; 8: с. 717]. Подобный подход объясняется, видимо, тем, что содержание терминов «ответственность» и «обязанность» сходно по семантике (смыслу). Сторонники приведенного подхода утверждают, что сущность ответственности в том и состоит, что лицо, совершившее преступление, юридически обязано отвечать, давать отчет.

Очевидно, что не лучший способ выводить определение такого явления, как юридическая ответственность, руководствуясь толковыми словарями. Для раскрытия сущности юридической ответственности за правонарушения надо опираться на принципы права, не выходить за его рамки. «При любом понимании права — нормативном, социологическом, естественно-правовом, психологическом — норма права, как она выражена в тексте закона, является альфой и омегой ответственности за правонарушение» [17: с. 658.]. Более того, в части 2 статьи 49 Конституции РФ сказано, что «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность»³.

Представляется, что теоретическое исследование проблемы юридической ответственности будет успешным при учете не только материальных, но и процессуальных норм. Речь не идет о расщеплении юридической ответственности на «материальную» и «процессуальную», когда содержанием материальной ответственности выступает обязанность правонарушителя «отвечать, дать отчет и подвергнуться наказанию», а суть процессуальной ответственности сводится к праву того же самого лица на защиту от обвинения, т. е. «праву не отвечать, оспаривать обвинение и т. п.». Несмотря на обособленность материально-правовых и процессуальных норм, регулирующих наиболее основные виды ответственности, все же при раскрытии сущности (содержания) юридической ответственности нельзя ее сводить только к материально-правовым нормам. Учет процессуальных норм при раскрытии сущности юридической ответственности позволяет принимать во внимание, во-первых, «правовые институты, содержащие гарантии достижения объективной истины по делу, права лица, обвиняемого в правонарушении, обоснованность применения мер пресечения (обеспечения),

² Например: «Юридическая ответственность, — пишет С.Н. Кожевников, — это обязанность лица претерпеть определенные лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение», «Возложение юридической ответственности предполагает отчет за свои действия виновного субъекта...». См.: Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 461, 462; «Юридическая ответственность — возникшее в результате лично совершенного правонарушения и предусмотренное юридической нормой политико-правовое состояние, когда компетентный орган, должностное лицо или гражданин на основе закона или в специальной форме требует от правонарушителя отчет в совершенном деянии...». См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2004. С. 507.

³ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 10.03.2015).

правовые способы устранения возможных ошибок при применении государственного принуждения», во-вторых, «взгляд на процесс как на что-то внешнее по отношению к ответственности оставляет вне поля зрения исследователей механизм осуществления ответственности, норм, определяющих “технологии принуждения”, от которых зависят реализация и неотвратимость юридической ответственности» [17: с. 674].

Исходя из основополагающего тезиса: «юридической ответственности нет и не может быть за пределами действующего права», — можно на основе изложенного предложить следующее определение юридической ответственности.

Юридическая ответственность — это комплекс мер государственного принуждения, применяемых к лицу за совершенное правонарушение, предусмотренных санкцией правовой нормы, в установленном процессуальном порядке.

Как известно многие десятилетия ретроспективная юридическая ответственность была доминирующей в исследовании ответственности. И только в середине XX века позитивный аспект ответственности привлек внимание сначала зарубежных исследователей, а затем и советских, позже российских ученых-правоведов. Анализ публикаций свидетельствует о неоднозначном подходе к выделению позитивной ответственности как самостоятельного вида ответственности. Если одна группа ученых безоговорочно признает теоретическую и практическую значимость позитивной ответственности, то другая — если и не отрицает, то и не видит в ней практического значения. Так, В.А. Тархов полагает, что позитивная юридическая ответственность «существует, но не применяется» [22: с. 33–34].

Позитивную юридическую ответственность многие авторы трактуют как правомерное поведение лица, не совершающего правонарушений. Так, например, по мнению П.Е. Недбайло, «позитивная ответственность у человека возникает уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет или станет действовать вопреки им» [16: с. 51]. Наиболее ярко выразил суть позитивной ответственности Н.И. Матузов. «Позитивная ответственность, — пишет он, — в отличие от негативной, не временная и не принудительная, а постоянная (перманентная), добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за свое поведение в настоящем и будущем, за надлежащее исполнение своих юридических обязанностей и гражданского долга. Она предполагает не только контроль личности за своими действиями, но и положительную реакцию на контроль общества, государства. Это не что иное, как мера требовательности человека и к себе» [14: с. 208]. Подобные суждения о позитивной юридической ответственности содержатся в работах и других современных ученых [2: с. 27; 10: с. 286–287; 19: с. 79; 20: с. 78–79; 21: с. 73–75].

Итак, «ответственность в позитивном (положительном, активном, перспективном) плане рассматривается как осознание личностью смысла и значения своих поступков, согласование их со своими правами и обязанностями, своим долгом в *настоящем* и *будущем* поведении» [3: с. 23].

Откуда привнесена позитивная ответственность как вид юридической ответственности в правоведение? Анализ научных публикаций привел автора к выводу, что идея позитивной ответственности позаимствована из таких наук, как философия, социология, этика, где «социальная ответственность рассматривается в качестве единства побуждений личности и велений долга (перед другими людьми, обществом, коллективом), форм внешнего и внутреннего контроля или соотношения способности и возможности человека предвидеть результаты своих действий, признавать их своими. Попытки применить эти понятия в правоведении породили представление о так называемой “двухаспектной правовой ответственности”, согласно которому кроме юридической ответственности за правонарушение и в неразрывной связи с ней существует правовая поэтапная ответственность — осознание долга, обязанность совершить действия, соответствующие природе общественного строя» [17: с. 666].

Сторонники критического отношения к данному виду ответственности неоднократно отмечали, что правоведение не может просто использовать в готовом виде философские понятия и категории без учета специфики предмета своей науки. Весьма сложно выделить ее юридические свойства и качества, которые бы отличались от понятий «обязанность», «правомерное поведение» и пр. Надо отметить, что такая попытка предпринята Н.В. Витруком в монографии, где он, анализируя научные статьи различных авторов, посвященные позитивной ответственности, выделяет такие ее качественные характеристики, как «добровольная форма исполнения обязанностей субъектами права», «ответственность органов и должностных лиц», ее связь с «поощрением, со стимулированием», «предварительность» по отношению к негативной, «следование общественному и личному долгу» [3: с. 24–29]. Из этого перечня качественных характеристик видно, что названные правовые явления объединяются с такими категориями, как «добросовестное отношение к своим обязанностям», «осознание необходимости правомерного поведения», «чувство ответственности» и т. п., что указывает на их принадлежность к сфере морали и правосознания.

Весьма оригинальной точки зрения на проблему позитивной ответственности придерживается Н.В. Витрук. По его мнению, «общим для двух видов юридической ответственности... является то, что субъект права *дает отчет* своему поведению, как правомерному, так и неправомерному, т. е. *отвечает за него*» [3: с. 29]. Обосновывая этот подход, автор отмечает, что поведение субъекта права включает в себя самоопределение, *стадию борьбы мотивов и принятие решения* в условиях преодоления негативных факторов, влияющих на такое принятие, а также на процесс реализации принятого решения. Один из аспектов позитивной ответственности, — утверждает он, — это следование общественному и личному долгу, служащему одним из *серьезных мотивов* правомерного поведения.

Неужели правопослушный гражданин все время находится в состоянии «*борьбы мотивов*», перед выбором: поступать в каждом конкретном случае согласно требованиям тех законов и правил, установленных государством, в котором

он живет, или сознательно их нарушать? Получается, что обязанности платить налоги, беречь памятники истории и культуры, заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, защищать Отечество и пр. приводят к тому, что правопослушный гражданин постоянно переживает борьбу мотивов и решает, как ему поступить? Мы солидарны с автором в той части, где он утверждает, что государство поощряет ответственное правомерное поведение, используя систему установленных законом стимулов и поощрений. Но речь в этом случае идет в большей части о негативной ответственности, когда закон позволяет освободить гражданина от уголовной или административной ответственности, если он выполнит условия, которые государство устанавливает в поощрительных нормах уголовного или административного законодательства. Справедлив О.Э. Лейст, утверждая, что «... уважение к праву является не правовой, а моральной категорией, подвластной не столько юридическим, сколько иным способам воздействия на личность и ее духовный мир» [17: с. 667].

При аргументировании роли и значения позитивной ответственности в отдельных публикациях подчеркивается, что «... понятие позитивной ответственности более широкое, чем одна лишь обязанность» [10: с. 286]. Ретроспективная ответственность есть лишь специфический метод обеспечения позитивной ответственности [11: с. 11].

И все же при всех доводах сторонников позитивной ответственности надо признать, что более убедителен подход тех ученых, которые заявляют, что «... в теории правовой позитивной ответственности все эти задачи решаются упрощенно и схематично: по мысли многих ее сторонников, достаточно определить законом запреты и обязанности, как сразу же (теоретически) возникает всеобщее ответственное к ним отношение (правовая позитивная ответственность)» [17: с. 667]; «при широком понимании юридической ответственности, включая его позитивный аспект, теряется специфика юридического понимания ответственности и возникает потребность в новом термине, обозначающем то, что сегодня включается в понятие ответственности в юридическом смысле» [25: с. 316–317]; «проблема юридической ответственности не только не укладывается в рамки теории юридической ответственности, но и вообще выходит за пределы юридической проблематики» [26: с. 9]; позитивная юридическая ответственность имеет неправовую природу, поэтому рассматривать ее в качестве юридической нельзя» [27: с. 504].

При всей привлекательности теории правовой позитивной ответственности она представляется искусственной теоретической конструкцией, и если следовать суждениям К. Маркса: «... помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом» [13: с. 14], теоретическая модель этого понятия, несмотря на многочисленные публикации, нуждается в фундаментальном исследовании, в котором необходимо раскрыть свойственное ей юридическое содержание.

Литература

1. *Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Государственно-правовые аспекты. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. 154 с.
2. *Василенко В.А.* Ответственность государств за международные правонарушения. Киев: Вища Школа, 1976. 124 с.
3. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности: монография. М.: РАП, 2008. 320 с.
4. *Волков Б.С.* Проблема воли и уголовная ответственность. Казань: Изд-во. Казанск. ун-та, 1965. 136 с.
5. *Габричидзе Б.Н.* Юридическая ответственность: учеб. пособие. М.: Альфа-М, 2005. 686 с.
6. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. 478 с.
7. *Горлач М.Ю.* Реализация юридической ответственности: вопросы теории и практики: монография. Орел: Орловск. юрид. ин-т МВД России, 2003. 222 с.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Терра, 1995. 779 с.
9. *Косолапов Р.И., Марков В.С.* Свобода и ответственность. М.: Политиздат, 1969. 100 с.
10. *Кудрявцев В.Н.* Закон. Поступок. Ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.
11. *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М.: Юрид. литература, 1978. 191 с.
12. *Липинский Д.А.* Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике политической экономии: избр. произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1986. 635 с.
14. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1987. 294 с.
15. *Милль Д.-С.* О свободе. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1906. 237 с.
16. *Недбайло П.Е.* Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44–53.
17. *Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3. М.: Норма, 2007. 698 с.*
18. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцовой. 26-е изд., доп. М.: Оникс, Мир и Образование, 2009. 1358 с.
19. *Смирнов В.Г.* Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 78–89.
20. *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1965. 188 с.
21. *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
22. *Тархов В.А.* Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. № 2. С. 33–40.
23. *Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2004. 591 с.*

24. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
25. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. литература, 1974. 348 с.
26. *Шабуров А.С.* Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 34 с.
27. Юридическая ответственность // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 1999. 591 с.

Literatura

1. *Bobrova N.A., Zrazhevskaya T.D.* Otvetstvennost' v sisteme garantij konstitucionny'x norm. Gosudarstvenno-pravovy'e aspekty'. Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. un-ta, 1985. 154 s.
2. *Vasilenko V.A.* Otvetstvennost' gosudarstv za mezhdunarodny'e pravonarusheniya. Kiev: Visha Shkola, 1976. 124 s.
3. *Vitruk N.V.* Obshhaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti: monografiya. M.: RAP, 2008. 320 s.
4. *Volkov B.S.* Problema voli i ugovnaya otvetstvennost'. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 1965. 136 s.
5. *Gabrishidze B.N.* Yuridicheskaya otvetstvennost': ucheb. posobie. M.: Al'fa-M, 2005. 686 s.
6. *Gobbs T.* Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo // Gobbs T. Izbranny'e sochineniya: v 2 t. T. 2. M.: My'sl', 2001. 478 s.
7. *Gorlach M.Yu.* Realizaciya yuridicheskoy otvetstvennosti: voprosy' teorii i praktiki: monografiya. Orel: Orlovsk. yurid. in-t MVD Rossii, 2003. 222 s.
8. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 2. M.: Terra, 1995. 779 s.
9. *Kosolapov R.I., Markov B.C.* Svoboda i otvetstvennost'. M.: Politizdat, 1969. 100 s.
10. *Kudryavcev V.N.* Zakon. Postupok. Otvetstvennost'. M.: Nauka, 1986. 448 s.
11. *Kudryavcev V.N.* Pravo i povedenie. M.: Yurid. literatura, 1978. 191 s.
12. *Lipinskij D.A.* Konceptii pozitivnoj yuridicheskoy otvetstvennosti v otechestvennoj yurisprudencii // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 6. S. 37–51.
13. *Marks K., E'ngel's F.* K kritike politicheskoy e'konomii: izbr. proizvedeniya: v 3 t. T. 1. M.: Politizdat, 1986. 635 s.
14. *Matuzov N.I.* Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov: Izd-vo Saratovsk. un-ta, 1987. 294 s.
15. *Mill' D.-S.* O svobode. SPb.: Izdanie V.I. Gubinskogo, 1906. 237 s.
16. *Nedbajlo P.E.* Sistema yuridicheskix garantij primeneniya sovetskix pravovy'x norm // Pravovedenie. 1971. № 3. S. 44–53.
17. Obshhaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs: v 3 t. / otv. red. M.N. Marchenko. 3-e izd., pererab. i dop. T. 3. M.: Norma, 2007. 698 s.
18. *Ozhegov S.I.* Tolkovy'j slovar' velikoruskogo yazy'ka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskix vy'razhenij / pod red. prof. L.I. Skvorczovoj. 26-e izd., dop. M.: Oniks, Mir i Obrazovanie, 2009. 1358 s.
19. *Smirnov V.G.* Ugolovnaya otvetstvennost' i ugolovnoe nakazanie // Pravovedenie. 1963. № 4. S. 78–89.
20. *Smirnov V.G.* Funkcii sovetskogo ugolovnogo prava. L.: Izd-vo Leningradsk. un-ta, 1965. 188 s.

21. *Strogovich M.S.* Sushhnost' yuridicheskoy otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 5. S. 72–78.
22. *Tarxov V.A.* Ponyatie yuridicheskoy otvetstvennosti // Pravovedenie. 1973. № 2. S. 33–40.
23. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V.K. Babaeva. M.: Yurist, 2004. 591 s.
24. Filosofskij e'nciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. e'nciklopediya, 1983. 840 s.
25. *Xalfina R.O.* Obshhee uchenie o pravootnoshenii. M.: Yurid. literatura, 1974. 348 s.
26. *Shaburov A.S.* Politicheskie i pravovy'e aspekty' social'noj otvetstvennosti lichnosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 1992. 34 s.
27. Yuridicheskaya otvetstvennost' // Teoriya gosudarstva i prava / pod red. V.K. Babaeva. M.: Yurist, 1999. 591 s.

I.N. Kouksin

Responsibility: Social and Legal Contents

The article examines a range of theoretical issues relating to the matter of a social responsibility and liability. The author analyzes the existing points of view in relation to specified kinds of responsibility. A special attention is paid to the analysis of retrospective and positive legal liability.

Keywords: responsibility; social responsibility; positive responsibility; retrospective (negative) responsibility.

Т.П. Минченко

Преодоление влияния криминальной субкультуры на научное сообщество в эпоху постсекулярности¹

Статья посвящена некоторым аспектам криминализации сознания в научном сообществе в современную эпоху. Обращается внимание на необходимость адекватного определения криминальной субкультуры и отношения к ней для ее преодоления.

Ключевые слова: научное сообщество; постсекулярность; криминальное сознание; мировоззренческая свобода.

Изменение мировоззрения современного человека, в частности его правосознания, во многом обусловлено как историческими особенностями развития страны, так и формированием постиндустриального общества или общества постмодерна. В этом контексте, по мнению И.Л. Честнова, «принципиально важную роль применительно к правопониманию играет (постклассическая. — Т.М.) научная картина мира, определяющая его (правопонимания) исходные постулаты» [21: с. 157]. Кроме того, применительно к концепции права вызов постклассической научной картины мира предполагает «признание *многомерности права*, его *онтологическую диалогичность*, включающую взаимообусловленность трех основных измерений правовой реальности — нормы права, ее восприятия правосознанием и реализации в правовом поведении» [21: с. 160].

Дополняя эту точку зрения, отметим, что не меньшее значение для формирования мировоззренческой идентичности современного человека и его правосознания имеет становление постсекулярности.

В настоящее время понятие постсекулярности активно обсуждается как в научной среде, так и вне ее. Издаются обзорные сборники, представляющие попытки всестороннего исследования постсекулярного [25]. Автором выделены основные подходы к трактовке понятия постсекулярности [12: с. 153–157].

Кратко определим постсекулярный мир как новое пространство, в котором уже не действуют прежние правила модерна, в том числе в связи с окончанием доминирования секулярных идеологий XX века, трансформацией

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, направление деятельности «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований с привлечением молодых исследователей», проект № 15-18-10002.

религиозности и ее упрощением до образа жизни, а также заменой антирелигиозной светскости – конструктивной. Анализ социокультурных оснований современного общества, рассматриваемый в системе координат «традиционное – индустриальное – постиндустриальное», органично дополняется новой системой координат «религиозное – секулярное – постсекулярное».

Постсекулярная эпоха начинается параллельно с постмодернистской эпохой, одной из существенных особенностей которой было преодоление просвещенческого отношения к религии, связанного с идеей изживания последней как конкурента секуляризма. Постмодернистское сознание, выступая против авторитарности и тоталитарности религии, изменяет представление Нового времени и эпохи Просвещения о том, что религия прежде всего предназначена для подавления человека, поскольку трактует религию не как социальный институт или тоталитарную идеологию, а выявляет в религиозности свободу. Тем самым европейская культурная традиция входит в постсекулярную эпоху, которая по-новому соотносит понятия науки и религии.

С одной стороны, само понятие культуры, исторически ведущее начало от секуляризирующихся форм культа, заменяется понятием социокультурного пространства, диалогичности и полифонии, а не монологичности.

С другой стороны, это плюралистичное пространство новых форм религиозности насыщено разнообразными симулякрами [2], усугубляясь ситуацией кризиса идентичности традиционных религий, а также кризиса мировоззренческой идентичности в целом [13: с. 156–163].

Постсовременные элиты, особенно в европейской культуре, формируются вне идентичности, задаваемой религиозным или этническим фактором. Вопрос о своей идентичности возникает в настоящее время у многих людей — особенно у тех, кто оказался за пределами своей исторической родины, в иных культурных условиях, у кого члены семьи придерживаются разных мировоззрений или вер. Вследствие этого наблюдается слабо выраженная коллективная идентичность современных либеральных обществ.

Такие черты характерны и для российской культуры, хотя в меньшей степени отрефлексированы в сравнении с европейской культурой.

Еще одной существенной особенностью современного российского общества вследствие деформаций правосознания, обусловленных историческими и социокультурными условиями российского и советского общества, катализированных коренными трансформациями последних десятилетий, является беспрецедентный рост преступности, повлекший за собой криминализацию мировоззрения и общественных отношений, так или иначе затрагивающую все слои российского общества, в том числе и научное сообщество [7; 9].

Как отмечает Ж.Т. Тощенко: «Криминальное перерождение общества становится реальной угрозой, которая может перерасти из сферы криминологической, правоприменительной в политическую, затрагивающую не только судьбы государственности, но и жизнь всего российского социума» [17: с. 235]. Такой характер изменений связан, в первую очередь, с криминализацией элит.

При этом если к анализу современной действительности применить адекватный ей метод постклассической теории права, то «право с точки зрения критического дискурс-анализа не есть некая объективная данность, а представляет собой результат активной деятельности господствующей социальной группы по формированию образцов юридически значимого поведения и убеждению населения в необходимости его воспроизведения» [20: с. 72].

В начале XXI века основной тенденцией в России стало возвращение авторитарной модели, характерной для российской самодержавной «матрицы» и тюремной культуры. Этой модели свойственны жесткая иерархия, привилегированность и безнаказанность лидеров, корпоративная солидарность внутри элит, а также существование неформальных принципов работы государства, противопоставленных праву (жить не по законам, а «по понятиям»). В этот неписаный кодекс включаются понятные нормы и правила поведения, решения конфликтов в сообществе заключенных, переносимых и на условия воли. Официальное право подстраивается под текущие интересы правящего класса, т. е. его основная функция — формализация кулуарно принимаемых решений.

Выделим ключевые признаки, характерные для криминализации сознания, и мировоззренческие основания, которые служат апологетикой криминальной позиции. Как отмечает профессор И.М. Мацкевич: «Криминальное общественное сознание... представляет собой специфические антикультурные воззрения индивидуумов, вовлеченных в криминальные отношения, их влияние на окружающую действительность, способы и виды выживания в этой действительности... Одним из центральных элементов криминального общественного сознания является преступность»².

Согласно определению современных постмодернистских источников «криминальное сознание — совокупность психических, волевых, ментальных свойств, позволяющих индивиду противопоставлять общепринятой системе морально-правовых ценностей альтернативную иерархию ценностей и норм»³.

Аргументация криминального сознания разворачивается в двух направлениях: это деструкция традиционных культурных нормативов, убирающая с преступного пути все препятствия религиозного, этического и правового характера, и обоснование собственных неправовых «понятий».

Онтологическое понимание мира у человека с криминальным сознанием связано с отсутствием объективных и общечеловеческих нормативных начал бытия, со смысловым вакуумом и бессмысленностью существующего, что ведет к представлению о вседозволенности. Истоки этой позиции выражает Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы

² Мацкевич И.М. Общественное сознание и преступность. URL: http://opus.kobv.de/ubp/volltexte/2013/6771/pdf/sdrs03_s167_178.pdf (дата обращения: 20.02.2015).

³ Зорин В. Евразийская мудрость от А до Я. Толковый словарь (Создiк-Словарь, 2002). URL: http://eurasian_wisdom.academic.ru/477/криминальное_сознание (дата обращения: 20.02.2015).

продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия» [8: с. 76].

Еще одна особенность криминального понимания бытия заключается в представлении об изначальной искаженности мира и относительности Добра и Зла. Отсюда вытекает циничное, вызывающее пренебрежительное отношение к нормам общественной морали и благопристойности, к культурным ценностям. Такое мировоззрение воспринимает нравственные правила как мешающие решению практических задач, отрицает сочувствие, жалость, стыд и подобные «избыточные» чувства.

С этим связаны антропологические представления о принципиальном антропологическом несовершенстве человека, о природных, социальных и метафизических причинах, с неизбежностью толкающих его на преступление границ, представления о существовании особого рода людей с выдающимися интеллектуально-волевыми качествами, превосходящих обычных людей и в силу этого имеющих право нарушать общепринятые нормы морали и права. Постмодернизм вводит также понятие трансгрессивности, не позволяющей человеку существовать только в пределах социальных нормативов и постоянно провоцирующей его на нарушения существующих нравственно-правовых запретов.

Широкое распространение криминальной субкультуры в различных слоях общества имеет своими истоками, с одной стороны, то обстоятельство, что в советские годы через тюрьмы и лагеря прошла огромная часть населения, которая по возвращении оттуда вынесла особую лексику и свод «законов», заполнивших собой мировоззренческую пустоту после распада СССР, ставших интегральной составляющей общественной и политической культуры, а для многих людей своего рода жизненным кодексом.

С другой стороны, репрессирующий так же несвободен, как и тот, кто подвергается репрессиям, неся на себе черты тех же «родимых пятен» авторитаризма, что на основе разностороннего исследования демонстрирует М.С. Восленский [4].

Распространенность криминальных правил и лексики в российской культуре показывает живучесть авторитарной мировоззренческой матрицы, которая не была разрушена с распадом СССР, а возродилась в форме «понятий» на рубеже XX–XXI веков.

Для жизнеспособности криминальной культуры в России само число заключенных не является определяющим фактором, тем не менее резкое увеличение масштаба репрессий в сталинский период, когда тюрьмы и лагеря стали «университетами» для более чем 10 миллионов человек, не могло не оказать существенного влияния на развитие культуры в дальнейшем.

Значительную часть репрессированных представляли ученые и техники, причем если поначалу инакомыслящих увольняли с работы и изгоняли из научных сообществ, то в тридцатые годы их уже арестовывали и расстреливали. После Великой Отечественной войны счет репрессированных ученых только из числа представителей естественных наук шел уже на тысячи. Как правило, это были безвозвратные потери, поскольку даже если ученый и не был

расстрелян, то долгие годы, проведенные им в лагерях, вели к профессиональной дисквалификации. Исчезали не только тысячи талантливых и невиновных людей, но и академические институты и целые области науки [5; 10].

Еще одним «ноу-хау» советской власти стали так называемые шарашки, как на жаргоне называли НИИ и КБ тюремного типа, подчиненные НКВД СССР, а с 1946 года — МВД СССР, в которых работали заключенные ученые, инженеры и техники. Через шарашки прошли выдающиеся советские ученые и конструкторы: С.П. Королёв, Н.Н. Поликарпов, Б.С. Стечкин, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.Н. Туполев и многие другие [11; 16].

Масштабы репрессий и непосредственного столкновения ученых с чуждым им криминальным миром были таковы, что только из членов Академии наук было репрессировано в той или иной форме более 200 человек, в том числе и лауреатов Нобелевской премии (Л. Ландау, И.Е. Тамм, А.Д. Сахаров), из разных областей науки: специалисты в области радиотехники и кибернетики А.И. Берг и А.Л. Минц, историки М.М. Богословский и С.К. Богоявленский, экономисты Н.И. Бухарин и Р.С. Левина, ботаник, географ и генетик Н.И. Вавилов, философы Б.М. Гессен и А.Г. Спиркин, языковед В.М. Жирмунский, филолог и историк Г.А. Ильинский, историк А.А. Кизеветтер, генетик и зоолог Н.К. Кольцов, востоковеды Н.И. Конрад и И.Ю. Крачковский, физиологи Е.М. Крепс и В.В. Парин, биохимик Я.О. Парнас, литературовед Д.С. Лихачев, филолог Г.Ф. Церетели и многие другие [15; 18; 24].

Российские и зарубежные исследователи подчеркивают явление призонизации — сохранение бывшими заключенными привычек и норм поведения, принятых в местах лишения свободы, снижающее способность этих людей к жизни в обычном обществе. Д. Клеммер, одним из первых описавший это явление, подчеркивает стремление тюремной культуры к самовоспроизведению и доказывает, что тюрьма, скорее, способствует дезадаптации и служит школой преступности, чем исполняет функцию ресоциализации и переобучения [22].

Это явление четко индексируется в языке. М.А. Грачев отмечает, что впервые жаргон, бывший достоянием только преступного сообщества, широким потоком хлынул в русский язык после 1917 года. Часть населения (в том числе студенты) считала блатной язык пролетарским и противопоставляла его буржуазному (нормированному) языку [6].

С начала 1990-х годов, с коренными изменениями во всех сферах жизни общества, одновременно с волной криминализации, в публичную сферу пришел тюремный и воровской жаргон, что многократно усилилось возможностями средств массовой информации и Интернета. Средствами искусства начинает внедряться героизация и романтизация уголовного мира, делящего членов общества на суперменов (уголовников) и людей низшего сорта. «При этом действует так называемый принцип пирамиды, когда ненормативная лексика спускается от вершины к основанию и человек, услышав тюремное слово по радио, телевидению, прочитав в газетах или журналах, начинает бездумно употреблять его в своей речи. Заговорили на блатном языке политики и журналисты» [6].

Характерные черты криминальной субкультуры, широко распространяющиеся в разных слоях общества, изменения в языке затронули и часть научного сообщества. В качестве примера можно привести использование некоторыми представителями научного сообщества ненормативной лексики и терминов уголовного жаргона, особенно в ситуациях, когда речь идет о распределении властных полномочий или финансирования. Применение закона как средства обоснования незаконных, по существу, действий. Нетерпимость к мировоззренческой свободе, рейдерские захваты чужой собственности и перераспределение в свою пользу финансовых потоков, клановая поддержка своих и задействование методов, «выходящих за рамки научной дискуссии», преследование тех, кто отстаивает принципы научной дискуссии и правозаконности, что испытала на своем примере и автор со стороны «организованной научной группы». Первоначально ее члены пытались воспрепятствовать защите докторской диссертации автора на тему свободы совести, а затем, когда защита все же успешно состоялась, содействовали назначению одного из своих членов на руководящую должность в местном подразделении Академии наук (с существенными нарушениями процедуры выборов) и незаконному увольнению автора после защиты диссертации с единственного места работы [14: с. 83–84].

Благодаря солидарным действиям здоровой части научного сообщества явные нарушения удалось преодолеть, но утверждение принципов правозаконности требует системной согласованной деятельности как в концептуальном, так и в практическом плане. В последнем большую роль играет солидарность ученых, которая всегда была действенной, даже в самые опасные времена, примером тому служит поддержка академиками своих коллег в период сталинских репрессий [1: с. 530–536].

В противодействии распространению криминального сознания эффективным методом является адекватное определение понятий, приводящее к развенчанию ложной романтизации уголовного мира, а также личное неучастие в сознательном искажении действительности в целях получения выгоды, т. е. во лжи, что не требует от человека выдающихся подвигов, как это обосновывает А.И. Солженицын в известном обращении «Жить не по лжи!»: «Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несет, и кричит: “Я — Насилие! Разойдись, расступись — раздавлю!” Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе, и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, — непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием. И не каждый день, не на каждое плечо кладет насилие свою тяжелую лапу: оно требует от нас только покорности лжи, ежедневного участия во лжи — и в этом вся верноподданность. И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!»⁴.

⁴ Солженицын А.И. Жить не по лжи! URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/jzit_ne_po_ljzi.pdf (дата обращения: 20.02.2015).

Не менее действенное средство — очищение языка, т. е. отказ от употребления криминальных понятий, продвижение «великого и могучего» русского языка, точно определяющего суть явлений, называние вещей своими именами. В этом как раз помогает научное сознание, выражаясь словами М. Вебера, наука есть «расколдование мира» и внесение ясности в головы людей [3: с. 713–714].

Действенным научно-теоретическим способом преодоления криминального сознания служит также концептуальная проработка понятия правозаконности в современных условиях как альтернативы цинизму и нигилизму криминальности.

Востребованы и актуальны в этой связи идеи либеральной философии права П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, И.А. Ильина и других отечественных мыслителей данного направления.

Для переосмысления понятия законности в постсекулярном мире особое значение имеют концептуальные разработки понятия правозаконности (rule of law) зарубежных правоведов либерального направления А.В. Дайси, М. Оукшота, Ф.А. Хайека. Как убедительно показывает Хайек, «... концепция правозаконности является не только щитом свободы, но и отлаженным механизмом ее реализации» [19: с. 124].

Литература

1. Академики в защиту репрессированных коллег // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 6. С. 530–536.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
3. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Наука, 1990. С. 713–714.
4. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Октябрь: Сов. Россия, 1991. 624 с.
5. *Гранин Д.* Зубр. Л.: Сов. писатель, 1987. 288 с.
6. *Грачев М.А.* Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.
7. *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
8. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом. Ч. I–II. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1984. 352 с.
9. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
10. *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.
11. *Копелев Л.* Марфинская шарашка // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 73–96.
12. *Минченко Т.П.* Развитие права свободы совести в постсекулярном мире // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: мат-лы Межвузовск. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского (Москва, 26 апреля 2012 г.). М.: АППКиПРО, 2012. С. 153–157.
13. *Минченко Т.П.* К вопросу о мировоззренческой идентичности в связи с проблемой свободы совести // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты

и юридическая практика: мат-лы ежегодной Всерос. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского (Москва, 24 апреля 2014 г.) / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: МГПУ, ЦОЗ, 2014. С. 156–163.

14. Права человека в Российской Федерации: доклад о событиях 2012 года. М.: МХГ, 2013. 264 с.
15. Репрессированная наука / под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. 559 с.
16. *Солженицын А.И.* В круге первом. М.: Современник, 1991. 732 с.
17. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 400 с.
18. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. 253 с.
19. *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. 172 с.
20. *Честнов И.Л.* Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». № 1 (13). 2014. С. 67–75.
21. *Честнов И.Л.* Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 157–162.
22. *Clemmer D.* The Prison Community. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 313 p.
23. Exploring the Postsecular: the Religious, the Political and the Urban / Ed. A. Molendijk, J. Beaumont, C. Jedan. Leiden, Boston: Brill, 2010. 406 p.
24. IN MEMORIAM: историч. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб.: Феникс; Athenium, 1995. 452 с.
25. The Post Secular in Question: Religion in Contemporary Society / Ed. Ph. Gorski. N.Y., London: New York University Press, 2012.

Literatura

1. Akademiki v zashhitu repressirovanny'x kolleg // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2002. T. 72. № 6. S. 530–536.
2. *Bodriyyar Zh.* Simulyakry' i simulyaciya. Tula: Tul'skij poligrafist, 2013. 204 s.
3. *Veber M.* Nauka kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbranny'e proizvedeniya. M.: Nauka, 1990. S. 713–714.
4. *Voslenskij M.* Nomenklatura. Gospodstvuyushij klass Sovetskogo Soyuz. M.: Oktyabr': Sov. Rossiya, 1991. 624 s.
5. *Granin D.* Zubr. L.: Sov. pisatel', 1987. 288 s.
6. *Grachev M.A.* Intervenciya kriminal'nogo yazy'ka // Nauka i zhizn'. 2009. № 4. S. 128–132.
7. *Dolgova A.I.* Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshhestvo. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya, 2003. 572 s.
8. *Dostoevskii F.M.* Brat'ya Karamazovy': roman v 4 ch. s e'pilogom. Ch. I–II. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1984. 352 s.
9. *Zaslavskaya T.I.* Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: Social'ny'j mexanizm transformacii. M.: Delo, 2004. 400 s.
10. *Kolchinskij E.I.* Biologiya Germanii i Rossii – SSSR v usloviyax social'no-politicheskix krizisov pervoj poloviny' XX veka (mezhdru liberalizmom, kommunizmom i nacional-socializmom). SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. 638 s.
11. *Kopelev L.* Marfinskaya sharashka // Voprosy' literatury'. 1990. № 7. S. 73–96.
12. *Minchenko T.P.* Razvitie prava svobody' sovesti v postsekulyarnom mire // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: mat-ly'

Mezhvuzovsk. nauchn. konf. pamyati prof. F.M. Rudinskogo (Moskva, 26 aprelya 2012 g.). M.: APPKiPRO, 2012. S. 153–157.

13. *Minchenko T.P.* K voprosu o mirovozzrencheskoj identichnosti v svyazi s problemoj svobody' sovesti // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: mat-ly' ezhegodnoj Vseros. nauchn. konf. pamyati prof. F.M. Rudinskogo (Moskva, 24 aprelya 2014 g.) / pod obshh. red. D.A. Pashenceva. M.: MGPU, CzOZ, 2014. S. 156–163.

14. Prava cheloveka v Rossijskoj Federacii: doklad o soby'tiyax 2012 g. M.: MXG, 2013. 264 s.

15. Repressirovannaya nauka / pod obshh. red. M.G. Yaroshevskogo. L.: Nauka: 1991. 559 s.

16. *Solzheniczy'n A.I.* V krughe pervom. M.: Sovremennik, 1991. 732 s.

17. *Toshhenko Zh.T.* Paradoksal'ny'j chelovek. M.: Gardariki, 2001. 400 s.

18. Tragicheskie sud'by': repressirovanny'e ucheny'e Akademii nauk SSSR. M., Nauka, 1995. 253 s.

19. *Xaiek F.* Doroga k rabstvu. M.: E'konomika, 1992. 172 s.

20. *Chestnov I.L.* Kriticheskij diskurs-analiz kak metod postklassicheskoy teorii prava // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». № 1 (13). 2014. S. 67–75.

21. *Chestnov I.L.* Postklassicheskoe pravoponimanie // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2010. № 5. S. 157–162.

22. *Clemmer D.* The Prison Community. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 313 p.

23. Exploring the Postsecular: the Religious, the Political and the Urban / Ed. A. Molendijk, J. Beaumont, C. Jedan. Leiden, Boston: Brill, 2010. 406 p.

24. IN MEMORIAM: istorich. sb. pamyati F.F. Perchenka. M., SPb.: Feniks; Atheneum, 1995. 452 c.

25. The Post Secular in Question: Religion in Contemporary Society / Ed. Ph. Gorski. N.Y., London: New York University Press, 2012.

T.P. Minchenko

Overcoming the Impact of Criminal Subculture on the Scientific Community in the Era of Postsecularity

The article deals with some aspects of the criminalization of consciousness in the scientific community in the modern era. A special attention is drawn to the need for adequate definition and attitude to the criminal subculture to overcome it.

Keywords: scientific community; Postsecularity; criminal consciousness; worldview freedom.

Т.М. Пряхина

Знать международное право

В статье акцентируется внимание на том, что конституционная презумпция знания права и законов государства распространяется на общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, являющиеся составной частью правовой системы России. Знание международно-правовых норм должно быть квалификационным требованием, предъявляемым к лицам, занимающим соответствующие должности в государственном аппарате. Исследуются проблемы изучения международного права и предлагаются меры, направленные на оптимизацию освоения содержания международно-правовых норм и получения навыков их квалифицированного применения.

Ключевые слова: международно-правовые нормы; международное публичное право; юридическое образование; изучение международного права; конституционная презумпция знания права и законов государства; прикладное международное право.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ сегодня стали значимой частью российской правовой системы. Этому способствует конституционное признание и закрепление соответствующих положений в основном законе страны¹. Нормы международного права обозначены в качестве одной из основ правового регулирования базовых отраслей российского права². Значительная часть российских законов ссылается на международные договоры как на нормативно-правовую базу регулирования соответствующих отношений³.

Судебной власти отведена особая роль в области применения международно-правовых норм. Обращение к нормам международного права является не правом, но обязанностью суда. Положения Конституции Российской Федерации

¹ Конституция РФ. Преамбула. Ст. 15, ч. 4; ст. 17, ч. 1; ст. 46, ч. 3; ст. 62, ч. 1; ст. 62; ст. 63; ст. 67, ч. 2; ст. 69; ст. 71, п. к; ст. 72, п. о; ст. 79; ст. 86, п. а, б; ст. 87, ч. 2; ст. 104, п. г; ст. 114, п. д; ст. 125, ч. 2 п. г.

² Уголовный кодекс РФ. Ст. 1, ч. 2; Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ст. 1, ч. 3; Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Ст. 3; Гражданский кодекс РФ. Ст. 7; Гражданский процессуальный кодекс РФ. Ст. 1, ч. 2; ст. 11; ст. 13, ч. 5; Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Ст. 3, ч. 3; ст. 13, ч. 1, 4, 5; ст. 16, ч. 4; Кодекс РФ «Об административных правонарушениях». Ст. 1.1, ч. 2; Таможенный кодекс РФ. Ст. 8; Трудовой кодекс РФ. Ст. 10. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.03.2015).

³ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Ст. 2; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Ст. 3, ч. 1; Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Ст. 2; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Ст. 1; Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности». Ст. 1. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.03.2015).

и федерального законодательства не просто разрешают, но обязывают суды РФ при рассмотрении определенных категорий дел руководствоваться нормами международного права. Неприменение или неправильное применение этих норм должно влечь за собой отмену вынесенного с таким нарушением решения. Конституционный Суд РФ в ряде своих решений напомнил не только правоприменительным органам, но и федеральному законодателю о том, что он, хотя и обладает достаточной свободой усмотрения, должен действовать в рамках международных обязательств РФ, согласовывать принимаемые нормативные акты с признаваемыми РФ международными правовыми стандартами [1: с. 34].

Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы — гласит часть 2 статьи 15 Конституции РФ. Выполнение данной конституционной обязанности предполагает, что участники правоотношений обязаны, в необходимых случаях, следовать предписаниям международного права, а в случае противоречия правил, установленных международным договором РФ, положениям закона применять правила международного договора (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Данная обязанность получила развитие и утверждение в нормах текущего законодательства, подзаконных нормативно-правовых актах. Например, лицо, впервые назначаемое на должность прокурора, принимает присягу следующего содержания: «Посвящая себя служению Закону, торжественно клянусь: свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, законы и международные обязательства Российской Федерации, не допуская малейшего от них отступления... Сознаю, что нарушение Присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах прокуратуры»⁴.

Международное право создается государствами и для государств. Нормы международного публичного права не порождают ни прав, ни обязанностей непосредственно для физических и юридических лиц. Государство суверенно в плане создания норм международного права и принятия на себя обязательств по их исполнению. Столь же самостоятельно государство в выборе механизма обеспечения международных обязательств в рамках национальной правовой системы. Именно поэтому соблюдать нормы международного права субъекты правоотношений должны в силу указания Конституции РФ и законов и в соответствии с правилами, ими установленными. Реальность конституционной презумпции знания права и законов государства, гарантирующая модель правомерного поведения большинства участников правоотношений, предполагает изучение не только международно-правовых норм, но и национального законодательства, устанавливающего условия их применимости и механизм реализации.

Знание международных договоров РФ, норм международного права и международных отношений — одно из квалификационных требований

⁴ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Ст. 40.4, ч. 1. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182782> (дата обращения: 06.03.2015).

к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими ряда министерств и ведомств⁵. Знание международного права необходимо значительному числу сотрудников государственного аппарата для того, чтобы компетентно исполнять свои должностные обязанности. Так, участковый уполномоченный полиции в своей деятельности, наряду с законодательством РФ, должен руководствоваться общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ⁶. Сегодня трудно найти такую сферу деятельности, где международно-правовые нормы не присутствовали бы в качестве важной основы правового регулирования. Например, должностные лица Федеральной службы по надзору в сфере транспорта при осуществлении государственного контроля (надзора) имеют право давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам соблюдения... международных договоров РФ об обеспечении пожарной безопасности при эксплуатации морских судов, судов внутреннего водного и смешанного плавания⁷. Поставщики бункерного топлива, юридические лица или предприниматели, для внесения в реестр Росморречфлота должны предоставить документы, подтверждающие наличие у них лаборатории для проведения анализов жидкого топлива в целях определения его качества в соответствии с Правилем 18 Приложения VI к Международной конвенции по предотвращению загрязнения судов 1973 года, измененной Протоколом 1978 года к ней⁸. Можно приводить еще много примеров востребованности международно-правовых норм как основы правового регулирования различных сфер государственной деятельности.

⁵ Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими центрального аппарата Министерства экономического развития РФ, утв. приказом Министерства экономического развития РФ от 7 июня 2013 г. № 314. П. 1; Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими заграничного аппарата Министерства экономического развития РФ, утв. приказом Министерства экономического развития РФ от 7 июня 2013 г. № 314. П. 1; Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата Министерства иностранных дел РФ, утв. приказом МИД РФ от 29 марта 2007 г. № 4418. П. 1.

⁶ Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции». П. 6. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=144038> (дата обращения: 06.03.2015).

⁷ Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере транспорта исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства РФ, в том числе международных договоров РФ об обеспечении пожарной безопасности при эксплуатации морских судов, судов внутреннего водного и смешанного (река-море) плавания, иных плавучих объектов, утв. приказом Министерства транспорта РФ от 30 апреля 2013 г. № 154. П. 4, ч. 5. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=150852> (дата обращения: 06.03.2015).

⁸ Положение о введении Реестра поставщиков бункерного топлива, утв. приказом Министерства транспорта РФ от 28 ноября 2011 г. № 294. П. 2, ч. 4. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=128485> (дата обращения: 06.03.2015).

Вышесказанное позволяет нам сделать следующий вывод: на международно-правовые нормы распространяется конституционная презумпция знания права и законов государства, а это, в свою очередь, означает, что все субъекты правоотношений должны знать международное право для того, чтобы грамотно следовать его предписаниям. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что требования к знанию международного права и его квалифицированному применению отличаются от аналогичных требований в отношении национального права. Это неизбежно, так как международное право — самостоятельная правовая система, качественно отличная от права национального. Включенность общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в российскую правовую систему не означает, что международно-правовые нормы трансформируются в нормы национального законодательства. Международное право как регулятор отношений между суверенными образованиями является инородной частью правовой системы страны, поэтому его освоение требует особых подходов и навыков.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на ряд существенных моментов, имеющих принципиальное значение для обеспечения должного знания международного права компетентными органами и должностными лицами.

Прежде всего следует уделить особое внимание профессиональному юридическому образованию и обучению государственных служащих. Степень квалификации, уровень профессионализма, компетентности юриста во многом определяются уровнем знания и понимания международного права, способностью применять разнообразные по формам закрепления и юридической силе нормы международного права.

Следует согласовать требования, предъявляемые к государственным служащим, с их профессиональными функциями и полномочиями. Значительное число ведомств, которые не просто руководствуются в своей деятельности нормами международного права, но управомочены давать разъяснения по вопросам их применения, не указывают знание международного права в качестве обязательного условия для занятия государственных должностей⁹. Еще

⁹ Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата Министерства юстиции РФ, утв. приказом Минюста от 30 марта 2012 г. № 42. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=128337> (дата обращения: 06.03.2015); Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата и территориальных органов Федеральной налоговой службы, замещающими должности федеральной государственной гражданской службы категории «руководители», утв. приказом Федеральной налоговой службы (ФНС России) от 16 июля 2012 г. № ММВ-7-4/500. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=134797> (дата обращения: 06.03.2015); Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата Федеральной службы судебных приставов, утв. приказом Федеральной службы судебных приставов от 17 октября 2012 г. № 453. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137562> (дата обращения: 06.03.2015).

более парадоксальная ситуация сложилась в сфере определения уровня профессионализма сотрудников Следственного комитета РФ, правовой основой деятельности которого являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, которому в пределах его полномочий предоставлены обширные права в области межгосударственного сотрудничества. Более того, сотрудники Следственного комитета РФ, вступая в должность, приносят присягу, торжественно клянутся свято соблюдать Конституцию РФ, законы и международные обязательства РФ, не допуская малейшего от них отступления¹⁰. Вместе с тем квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей по должностям федеральной государственной гражданской службы в Следственном комитете РФ, не включают в перечень профессиональных знаний сотрудников Следственного комитета международно-правовые нормы¹¹.

Следует оптимизировать изучение международного права с учетом практических потребностей и полномочий, возлагаемых на тот или иной орган государственной власти и должностное лицо. Подготовка юристов, государственных служащих предполагает углубленное изучение международного права. Вместе с тем отметим инерционный подход к его освоению, сохранившийся с тех времен, когда международно-правовые принципы и нормы реально не рассматривались как нормы, предназначенные для непосредственного применения. В силу этого государственный образовательный стандарт устанавливает незначительное, по сравнению с объемом самого международного права, количество часов для его изучения. Задумаемся: национальную систему права студенты изучают в течение всего срока обучения, а на международное, за исключением специализированных вузов, отводится один семестр.

Выход из создавшейся ситуации видится в следующем. Курс международного права необходимо разделить на две части: базовое или фундаментальное международное право и прикладное международное право. Базовая часть сохраняет сложившуюся практику изучения международного права. Прикладное международное право предполагает углубленное изучение тематики, необходимой для квалифицированного применения международного права в конкретных сферах профессиональной деятельности.

Допускаем иную стратегию: изучение базовой части международного права сопровождается углубленным освоением проблем, имеющих практическое значение, в рамках специализированных курсов, перечень которых определяется самим учебным заведением. При этом, по нашему мнению, некоторые спецкурсы

¹⁰ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Ст. 2, 3, 19. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=172672> (дата обращения: 06.03.2015).

¹¹ Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей по должностям федеральной государственной гражданской службы в Следственном комитете РФ, утв. приказом Следственного комитета РФ от 4 июля 2012 г. № 39. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=134653> (дата обращения: 06.03.2015).

должны быть обязательной составляющей учебного процесса. К числу таких спецкурсов следует отнести «Конституционные основы взаимодействия национального и международного права»; «Международные договоры Российской Федерации и международные соглашения субъектов Российской Федерации»; «Международное региональное право»; «Международные стандарты прав человека». В рамках данных спецкурсов следует акцентировать внимание на проблематике, являющейся профильной для соответствующего учебного заведения. Обоснуем выдвинутые предложения.

Конституционно-правовые основы взаимодействия национального и международного права являются базовыми, определяющими правовую политику Российского государства в отношении международного права в целом. В рамках данного спецкурса на базе теории диалектического дуализма следует рассматривать место общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в правовой системе России и в системе российского права. Обучающиеся должны освоить четкий алгоритм действий, позволяющих правильно, корректно, единообразно в пределах Российской Федерации применять нормы международного права и получать искомый социальный эффект. При этом следует обратить особое внимание на ряд принципиальных моментов. Теория и практика применения норм международного права основывается на принципе верховенства Конституции России (ст. 15, ч. 1). Технология правоприменения международного права должна исходить из того, что последнее не тождественно по своей юридической природе национальным правовым нормам. Нормы международного права как выражение согласованных позиций и воли государств толкуются и исполняются государствами с точки зрения объекта и целей договора, целей и принципов международного права в целом, а не внутреннего права. Соответственно нормы международного права не следует рассматривать как составную часть внутреннего права. Они не меняют своей природы, качества и в этом смысле являются «инородным телом» по отношению к нормам внутреннего права. Ни один из внутригосударственных актов, обеспечивающих выполнение государством своих международных обязательств, не способен изменить природу норм, их особенные цели, содержание, форму. Государство выполняет и обеспечивает именно нормы международного права, автономные и применимые именно как нормы иной правовой системы [7: с. 131]. По завершении изучения спецкурса «Конституционные основы взаимодействия национального и международного права» обучающиеся должны понимать существенные отличия общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ и их качественное своеобразие по сравнению с нормами национального права в аспекте правоприменительной деятельности; знать общие, специальные обязательные и субсидиарные юридические основания использования и применения норм международного права в правовой системе РФ. Данный спецкурс обучает грамотному подходу к разрешению коллизий между нормами международного права и нормами права национального, частично восполняет существующий пробел, порожденный неразвитостью института федерального коллизионного права (п. *n* ст. 71 Конституции РФ).

Распространенное мнение о приоритете международного права над правом национальным, якобы установленном частью 4 статьи 15 Конституции РФ, ошибочно. В данном случае Конституция определяет коллизионное правило разрешения возможного противоречия между нормой закона и международного договора, и разрешать данное противоречие следует исходя из юридической силы конкретного договора и закона. Следует говорить не о приоритете норм международного договора по отношению к правилам закона вообще, а о приоритете применения [4: с. 86]. Международные договоры не занимают более высокого места в правовой системе России, чем законы. Часть 4 статьи 15 Конституции РФ не устанавливает иерархию источников права. Она закрепляет правило разрешения коллизий между сопоставимыми друг с другом законами и договорами. Поэтому нужно дифференцировать договоры, обладающие приоритетом и не обладающие им, сопоставить юридическую силу международных договоров, внутренних нормативных актов и следовать сформулированной теорией, правом и правоприменительной практикой правилам соотношения юридической силы норм международного и российского права.

Международные договоры РФ должны быть предметом особого внимания. Международные договоры РФ составляют значительный массив правовой системы России. И если содержание базовых универсальных многосторонних договоров достаточно известно заинтересованным субъектам, то содержание специализированных или двусторонних международных договоров требует дополнительного изучения. В целом подобная ситуация объективно обусловлена, однако при подготовке специалистов в определенной сфере государственной деятельности необходимо уделять повышенное внимание такого рода «профессиональным» договорам. О том, что ситуация критическая, свидетельствует, в частности, выступление президента «Сбербанка» на Гайдаровском форуме. Посетовав, что любой простой вопрос о нормах и правилах ВТО может завести власти в тупик, Г. Греф обратился к присутствовавшим на заседании министрам с вопросом о том, сколько часов они потратили на изучение правил ВТО. Предупреждая возможный конфуз, он напомнил, что правила ВТО — это 47 тысяч страниц документов, а базовое соглашение — это 600 страниц¹². Можно привести пример из абсолютно иной области общественных отношений. В частности, сотрудники полиции, осуществляющие доставку лиц, находящихся в состоянии опьянения, в медицинские организации, должны руководствоваться Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, нормами российского законодательства¹³. Полагаем, предьявляя

¹² Выступление Г. Грефа на Гайдаровском форуме 17 января 2013 г. URL: <http://www.gosbalt.ru/business/2013/01/17/1082732.html> (дата обращения: 06.03.2015).

¹³ Инструкция о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации, утв. приказом МВД РФ от 23 декабря 2011 г. № 1298. П. 2. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=126565> (дата обращения: 06.03.2015).

подобные требования к своим сотрудникам, ведомство должно уточнить, какие именно общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры им следует соблюдать, и обеспечить их изучение.

Выполнение международных договоров представляет собой сложную, многогранную проблему, требующую постоянных усилий по ее изучению и решению [9: с. 10]. Теория применения международных договоров РФ — обязательная составляющая образовательной программы подготовки юристов и профессионалов в иных областях государственной деятельности.

Востребованность углубленного изучения государственно-правового механизма реализации международных договоров РФ обусловлена ее федеративным устройством. Конституция РФ непосредственно указывает на специфику отношений по исполнению международных обязательств России. Так, международные договоры РФ отнесены к исключительному ведению РФ (п. к ст. 71), а выполнение международных договоров РФ — к сфере совместного ведения России и ее субъектов (п. о ст. 72). Необходимо осваивать технологию применения международно-правовых норм органами государственной власти субъектов, которые должны уметь самостоятельно настраивать региональное законодательство на согласование с международными договорами. Это тем более значимо, что самоисполнимые международные договоры после их официального опубликования действуют непосредственно¹⁴. Это значит, что субъекты должны эти нормы знать, грамотно толковать, корректно применять, поскольку данные договоры являются непосредственным регулятором общественных отношений.

Другой аспект проблемы — международные связи российских регионов, которые стали важной составляющей деятельности России на международной арене, значимым компонентом интеграции Российского государства в международное сообщество. Одновременно они открывают новые возможности для сотрудничества федерального центра с субъектами. Заключение соглашений субъектов РФ с иностранными партнерами регулируется как на федеральном, так и на региональном уровне¹⁵. Изучение соглашений субъектов РФ с иностранными партнерами предполагает обращение к вопросам о месте и роли данных соглашений в системе российского права; предусматривает оценку законности их содержания, правомерности заключения, средств и способов обеспечения выполнения

¹⁴ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Ч. 3, ст. 5. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=160092> (дата обращения: 06.03.2015).

¹⁵ Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182684> (дата обращения: 06.03.2015); Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». П. 32 ч. 2 ст. 26.3. URL: <http://garant.ru/12117177/> (дата обращения: 06.03.2015); Устав города Москвы, утв. постановлением Московской городской Думы от 28 июня 1995 г. Ст. 13 п. 4. URL: <http://base.garant.ru/998898/> (дата обращения: 06.03.2015); Закон города Москвы от 28 марта 2001 г. № 11 «О договорах и соглашениях города Москвы». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=154643> (дата обращения: 06.03.2015).

обязательств, в них содержащихся. Соглашения субъектов Федерации не являются международными договорами, на них не распространяется действие Венской Конвенции 1969 года, но они в полной мере подчинены действию общего принципа добросовестного выполнения международных обязательств. Заинтересованность РФ в стабильности международных отношений, поддержании статуса эффективного, надежного, ответственного партнера предполагает, что она обеспечит добросовестность своих субъектов как участников международного общения. Участники правоотношений должны иметь представление о договорной практике субъектов Федерации, хорошо ориентироваться в содержании соглашений того субъекта РФ, где они занимаются своей профессиональной деятельностью.

Право международных организаций изучается в рамках курса международного публичного права. Сейчас следует обратиться к конституционному измерению участия России в деятельности международных организаций. Не раскрыт до сих пор потенциал права РФ участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя РФ (ст. 79 Конституции РФ). Существует ряд международных организаций и межгосударственных объединений, которые представляют для России наибольший интерес, организаций, где наше государство выступает учредителем, посредством инициирования создания и активного участия в деятельности которых оно решает первоочередные экономические, политические, социальные задачи. Конечно, мы имеем в виду Содружество независимых государств, Таможенный союз, Евразийское экономическое сообщество и приходящий ему на смену Евразийский экономический союз. Именно деятельность данных организаций должна быть, в первую очередь, предметом спецкурса «Региональное международное право».

Международные стандарты прав человека требуют особого подхода. Перед Россией не стоит и не должна стоять задача механического приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами прав человека. Определяющим критерием должны быть интересы личности. Например, Конвенция МОТ № 132 устанавливает минимальную продолжительность оплачиваемого отпуска сроком не менее трех рабочих недель за один год работы¹⁶. Трудовой кодекс РФ устанавливает продолжительность основного оплачиваемого отпуска 28 календарных дней (ст. 115, ч. 1). Очевидно, что положения Конвенции МОТ менее привлекательны для трудящихся. Означает ли это, что мы должны привести в соответствие с ней Трудовой кодекс РФ? Полагаем, в данном случае следует придерживаться принципа максимально благоприятного права. В качестве положительного примера сошлемся на правило, закрепленное Европейской социальной хартией: «Положения настоящей Хартии не должны применяться в ущерб

¹⁶ Конвенция МОТ № 132 «Об оплачиваемых отпусках» от 24 июня 1970 г. Ратифицирована Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 139-ФЗ «О ратификации Конвенции (пересмотренной в 1970 г.) об оплачиваемых отпусках (Конвенция № 132). Ст. 3, ч. 3. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=102100> (дата обращения: 06.03.2015).

положениям внутреннего права, любых двусторонних или многосторонних договоров, конвенций или соглашений, которые уже вступили в силу и которые будут более благоприятны для лиц, находящихся под ее защитой»¹⁷.

Право каждого на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека является существенным элементом механизма конституционно-правовых гарантий реальности прав и свобод личности (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Нужен системный подход в изучении данного права, позволяющий обучающимся видеть весь спектр возможностей, которые предоставляют межгосударственные институты, ранжировать их по степени реальности юридической защиты прав отдельного человека и видеть конкретные перспективы и правовые последствия обращения в межгосударственные органы за защитой своих прав.

Изучение международного права — постоянный процесс совершенствования квалификации юристов, государственных служащих, должностных лиц, компетентных сотрудников органов государственной власти и управления, местного самоуправления. Государство стремится обеспечить единообразное понимание международно-правовых норм и сформировать общую правоприменительную практику. Роль авторитетных экспертных учреждений по вопросам толкования, понимания, применения общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ играют Правовой департамент Министерства иностранных дел РФ, Министерство юстиции РФ, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Уполномоченный РФ при Европейском Суде по правам человека. Министерство иностранных дел РФ уполномочено давать разъяснения в пределах своей компетенции по вопросам международного права в связи с запросами органов государственной власти, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, физических и юридических лиц¹⁸.¹⁸ Значение высшей школы в данном направлении трудно переоценить. Показательно, что в профильном постановлении Верховный Суд РФ рекомендует Российской академии правосудия при организации учебного процесса подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей и работников аппаратов судов обращать особое внимание на изучение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ,

¹⁷ Европейская социальная хартия от 4 ноября 1950 г. (пересмотренная 3 мая 1996 г.); ратифицирована РФ Федеральным законом от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 г.». Ст. Н «Отношения между Хартией и внутренним правом или международными соглашениями». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=88272> (дата обращения: 06.03.2015).

¹⁸ Постановление Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». П. 16, 17; Положение «О Министерстве иностранных дел Российской Федерации», утв. Указом Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865. П. 19; Приказ МИД РФ от 30 марта 2012 г. № 4236 «Об утверждении Административного регламента Министерства иностранных дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по даче разъяснений по вопросам международного права в связи с запросами физических и юридических лиц». URL <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=130031> (дата обращения: 06.03.2015).

регулярно анализировать источники международного и европейского права, издавать необходимые практические пособия, комментарии, монографии и другую учебную, методическую и научную литературу. Российская академия правосудия, бесспорно, выступает в авангарде высших учебных заведений, обеспечивающих интенсивное освоение международно-правового пространства [2–3].

Инициаторами новаторского подхода к изучению международного права выступили ученые кафедры Конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии, возглавляемой профессором В.Т. Кабышевым. Конституционно-правовые аспекты международной деятельности Российского государства, к которым обратились саратовские конституционалисты, позволили увидеть и оценить общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ как значимые элементы конституционного пространства страны¹⁹.

Полагаем, каждый вуз, исходя из своего особого места в системе российского образования, должен сформировать самостоятельный подход к профессионально ориентированному изучению международного права. Юридический институт Московского городского педагогического университета, чутко уловив потребности практики, сумел оценить значение международного права для подготовки квалифицированных юристов. Студенты, обучающиеся по программе бакалавриата, осваивают базовый курс «Международного права», который дополняют такие курсы по выбору, как «Правовые механизмы защиты прав человека», «Европейское право». Бесспорно, как положительный пример следует отметить изучение студентами «Иностранного языка в сфере юриспруденции». Владение иностранными языками позволяет изучать международные соглашения на их официальных языках (как правило, это английский и французский), знакомиться с иностранными источниками. Понимая определяющее значение и непреходящую ценность образования [6: с. 9], ученые-государствоведы, профессионально занимающиеся соответствующими проблемами [5; 8], преподают оригинальные спецкурсы, позволяющие существенно обогатить профессиональный багаж будущих специалистов. В рамках магистерской программы преподавателями вуза читаются спецкурсы и проводятся спецсеминары, которые вносят значительное разнообразие в видение международно-правовой проблематики, помогают освоить международно-правовую составляющую самых разных отраслей российского права и сфер государственной деятельности. К их числу следует отнести «Сравнительное правоведение», «Конституционные проблемы взаимодействия национального и международного права», «Современные проблемы юридической науки», «Конституционное правосудие», «Конституционную доктрину в современной России», «Правовые аспекты глобализации». Значительное внимание международно-правовой составляющей уделяется в ходе проведения Юридическим институтом МГПУ тематических научных конференций, круглых столов, написания

¹⁹ Так, в 2008 г. В.С. Хижняк защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Конституционно-правовой механизм взаимодействия внутригосударственного права Российской Федерации и международного права». Саратов, 2004. 476 с. Научный консультант — профессор В.Т. Кабышев.

курсовых, дипломных работ, научных статей, диссертаций. Большой интерес у студентов вызывают такие проблемы, как международные стандарты в области прав человека и российское законодательство, обеспечение Конституционным Судом РФ взаимодействия национального и международного права, общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России, международные договоры РФ в системе источников российского права, международно-правовая деятельность субъектов Российской Федерации (на примере города Москвы), международные избирательные стандарты и российское избирательное право. У Юридического института МГПУ есть научный потенциал, позволяющий поднять изучение комплекса международно-правовой проблематики на качественно иной уровень, и преподаватели активно его используют. Предлагаем коллегам присоединиться к обсуждению вопросов изучения международно-права на площадке данного журнала.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. по жалобе гражданки Енборисовой П.Ф. на нарушение ее конституционных прав п. 8 ст. 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5. С. 31–42.

2. *Еришов В.В.* Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2011. № 8. С. 5–26.

3. *Конюхова И.А.* Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М.: Формула права, 2006. 496 с.

4. *Марочкин С.Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 228 с.

5. *Марченко М.Н.* О признаках «системы» и системном характере права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2010. № 1. С. 41–54.

6. *Пашенцев Д.А.* Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 8–13.

7. *Пряхина Т.М.* Правовые, организационные и прикладные проблемы действия и реализация норм международного права в правовой системе России. Рецензия на монографию С.Ю. Марочкина «Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации» (М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 288 с.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2013. № 1. С. 128–137.

8. *Пряхина Т.М., Розанова Е.В.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2010. № 2. С. 80–87.

9. *Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н.* Выполнение международных договоров Российской Федерации: монография / отв. ред. О.И. Тиунов. М.: Норма, 2012. 256 с.

Literatura

1. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15 fevralya 2005 g. po zhalobe grazhdanki Enborisovoi P.F. na narushenie ee konstitucionny'x prav p. 8 st. 14 Federal'nogo zakona

«О трудовы'х pensiyax v Rossijskoj Federacii» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2005. № 5. S. 31–42.

2. *Ershov V.V.* Mezhdunarodnoe i vnutrigosudarstvennoe pravo s pozicii legizma i integrativnogo pravoponimaniya // Rossijskoe pravosudie. 2011. № 8. S. 5–26.

3. *Konyuxova I.A.* Mezhdunarodnoe i konstitucionnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodejstviya. M.: Formula prava, 2006. 496 s.

4. *Marochkin S.Yu.* Dejstvie i realizaciya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 228 s.

5. *Marchenko M.N.* O priznakax «sistemy'» i sistemnom karaktere prava // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2010. № 1. C. 41–54.

6. *Pashencev D.A.* Pravo na obrazovanie i problemy' ego realizacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 2. S. 8–13.

7. *Pryaxina T.M.* Pravovy'e, organizacionny'e i prikladny'e problemy' deistviya i realizaciya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossii. Recenziya na monografiyu S.Yu. Marochkina «Dejstvie i realizaciya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii» (M.: Norma: INFRA-M, 2011. 288 s.) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2013. № 1. S. 128–137.

8. *Pryaxina T.M., Rozanova E.V.* Resheniya Evropejskogo suda po pravam cheloveka v pravovoj sisteme Rossii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2010. № 2. S. 80–87.

9. *Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N.* Vy'polnenie mezhdunarodny'x dogovorov Rossijskoj Federacii: monografiya / otv. red. O.I. Tiunov. M.: Norma, 2012. 256 s.

T.M. Pryakhina

To Know International Law

The article focuses on the fact that the constitutional assumption of the knowledge of law and the state law extends to the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation, which are the component part of the Russian legal system. The knowledge of international legal norms should be a qualification requirement for persons holding relevant positions in the state apparatus. The matter of the study of international law is under investigation and the measures aimed to optimize the development of the content of international legal norms and to receive the skills of their qualified application are being proposed.

Keywords: international legal norms; public international law; legal education; the study of international law; constitutional assumption of knowledge of law and the laws of the State; applied international law.

С.Н. Чурилов

О соотношении понятий «функция обвинения», «уголовное преследование» и «обвинение»

В статье рассматривается соотношение правовых категорий «функция обвинения», «уголовное преследование» и «обвинение», анализируются с критических позиций различные точки зрения процессуалистов по данному дискуссионному вопросу, определяется содержание данных научных категорий.

Ключевые слова: функция обвинения; уголовное преследование; обвинение; соотношение; содержание.

Среди ученых-процессуалистов нет единого мнения о соотношении понятий «функция обвинения», «уголовное преследование» и «обвинение». Одни исследователи полагают, что содержание функции обвинения в уголовном судопроизводстве составляет уголовное преследование [2: с. 45]. Другие авторы считают, что данная функция заключается в уголовном преследовании, обвинении и отстаивании его в суде [4: с. 114–116]. Нет четкого представления о соотношении понятий «функция обвинения» и «обвинение». Отдельные авторы под обвинением ошибочно понимают деятельность по уголовному преследованию [4: с. 116]. Неоднозначное понимание соотношения данных правовых категорий обуславливает необходимость раздельного и сравнительного их исследования.

Согласно уголовно-процессуальному закону реализация назначения уголовного судопроизводства выполняется основными уголовно-процессуальными функциями, к которым отнесены функция обвинения, функция защиты и функция разрешения дела. Под уголовно-процессуальной функцией понимается установленный законом *вид деятельности* того или иного участника уголовного судопроизводства, обусловленный его ролью, задачами и целью участия в деле [2: с. 44].

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) функцию обвинения выполняют участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Содержание этой функции составляет уголовное преследование (п. 45 ст. 5 УПК РФ), под которым законодателем понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Отсюда следует, что законодатель рассматривает уголовное преследование в качестве обвинительной деятельности, а основной его формой — обвинение, т. е. утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ (п. 22 ст. 5).

Сходную позицию по данному вопросу занимали М.С. Строгович, А.М. Ларин и другие видные ученые. По мнению М.С. Строговича, уголовное преследование включает в себя: соби́рание доказательств виновности лица в совершении преступления; применение к нему различных принудительных мер (меры пресечения, освидетельствования, обыска и др.); обоснование обвинения в процессе судебного разбирательства уголовного дела и необходимости применения к нему наказания [5: с. 194]. А.М. Ларин, разделяя эту точку зрения, утверждал, что «обвинение является основной формой уголовного преследования» [3: с. 38]. Необходимым элементом деятельности по уголовному преследованию рассматривают обвинение и современные исследователи [1: с. 9].

При решении этого дискуссионного вопроса важное значение имеет авторитетное мнение Конституционного Суда РФ (КС РФ) о том, что «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде»¹. С точки зрения содержания уголовно-процессуальной функции обвинения данная позиция КС РФ не вызывает вопросов. Действительно, условиями реализации этой функции являются «...возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом...»². Но возможно ли возбуждение уголовного преследования отождествлять с уголовным преследованием, как это делает А.И. Ротар? Оценивая упомянутые документы — Определение и Постановление КС РФ, данный автор резюмирует: «Таким образом, КС РФ определил содержание уголовно-процессуальной функции обвинения, по нашему мнению, именно из данных элементов процессуальной деятельности состоит функция, выполняемая участниками уголовного судопроизводства, выступающими на стороне обвинения: уголовное преследование, формулирование (предъявление) обвинения, поддержание обвинения перед судом» [4: с. 115]. Как не трудно заметить, в данном выводе налицо подмена понятия «возбуждение уголовного преследования», которое означает только начало уголовного преследования, понятием «уголовное преследование», которое включает в себя, кроме возбуждения уголовного преследования, еще и другие неотъемлемые элементы уголовно-процессуальной деятельности —

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 УПК РФ. URL: <http://www.lawmix.ru/prpf/40074> (дата обращения: 16.03.2015).

² Постановление КС РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 п. 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1 и 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=54270> (дата обращения: 16.03.2015).

формулирование и предъявление обвинения и поддержание его в процессе разбирательства уголовного дела.

Следует также иметь в виду, что функция обвинения и обвинение, как этап уголовно-процессуальной деятельности, не тождественны. Функция обвинения осуществляется стороной обвинения: прокурором, следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, частным обвинителем, потерпевшим, законным представителем и представителем потерпевшего, гражданским истцом и его представителем, — каждым в пределах установленных УПК РФ полномочий, и представляет собой установленный законом *вид деятельности* того или иного участника уголовного судопроизводства. Обвинение заключается в реализации ряда процессуальных норм, установленных статьями 171–175 УПК РФ, регулирующих порядок определенных процессуальных действий (вынесение следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого, предъявление обвинения, допрос обвиняемого, изменение и дополнение обвинения, частичное прекращение уголовного преследования), а также утверждения другими участниками стороны обвинения о совершении данным лицом выдвинутого в отношении него деяния. В ходе судебного следствия обвинение заключается в изложении государственным обвинителем предъявленного лицу обвинения (а по уголовным делам частного обвинения — в изложении заявления частным обвинителем) и представлении им и другими участниками судебного разбирательства со стороны обвинения доказательств, изобличающих подсудимого в инкриминируемом ему деянии.

То есть функция обвинения осуществляется определенными участниками уголовного судопроизводства путем реализации представленного им законом права на осуществление обвинения.

По этой причине нет достаточных теоретических оснований рассматривать понятие «обвинение» в широком и узком смысле, как это предлагает А.И. Ротар. По мнению данного автора, «в широком смысле обвинение представляет собой всю деятельность участников стороны обвинения (и поэтому должно рассматриваться как функция), осуществляемую при производстве по уголовному делу (она включает в себя и инициативу уголовного преследования; его последующее осуществление в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого; формулирование и выдвижение обвинения в суде, а также его поддержание). В узком смысле обвинение — это формулирование, выдвижение и поддержание обвинения в судебных инстанциях (и поэтому должно рассматриваться как право конкретного участника стороны обвинения)» [4: с. 116].

Здесь следует обратить внимание на то, что автор под функцией обвинения ошибочно понимает не вид уголовно-процессуальной деятельности, а саму деятельность участников стороны обвинения, реализуемую путем предоставленного им законом права. Данная неточность привела к ложному выводу о том, что понятие «обвинение» можно рассматривать в двух ипостасях: и в смысле функции уголовного процесса, и в смысле утверждения о совершении подозреваемым, обвиняемым деяния.

Нельзя согласиться с утверждением А.И. Ротар и о том, что «функция обвинения» состоит из следующих подфункций: уголовное преследование, формулирование (предъявление) обвинения, поддержание обвинения перед судом» [4: с. 116]. Во-первых, уголовное преследование как обвинительная деятельность представляет собой содержание всей функции обвинения, и поэтому оно не может быть ее подфункцией. Во-вторых, уголовное преследование нельзя рассматривать в качестве самостоятельного элемента функции обвинения наряду с формулированием и представлением обвинения и поддержанием его в суде. В-третьих, формулирование обвинения и его предъявление — самостоятельные этапы уголовно-процессуальной деятельности. Между ними невозможно ставить знака равенства. Обвинение формулируется в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, а предъявляется оно лицу путем объявления этого постановления, разъяснения обвиняемому существа предъявленного обвинения и его прав (ч. 5 ст. 172 УПК РФ).

Отмеченные неточности при рассмотрении соотношения указанных выше понятий не помешали А.И. Ротар резюмировать: «С учетом сказанного, уголовное преследование мы считаем содержанием функции обвинения, его составной частью» [4: с. 116]. И тем самым допустить очередную неточность. За правильным выводом о том, что уголовное преследование — содержание функции обвинения, последовало ложное утверждение: уголовное преследование — составная часть содержания функции обвинения. На самом деле уголовное преследование — все содержание данной функции.

В связи с изложенным необходимо рассмотреть вопрос о соотношении понятий «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования». Во всех ли случаях возбуждение уголовного дела означает одновременно и возбуждение уголовного преследования? Данный вопрос имеет и теоретическое, и практическое значение.

При ответе на него следует иметь в виду, что уголовное дело может быть возбуждено при наличии указанных в законе поводов и основания (ст. 140 УПК РФ). Основанием для возбуждения уголовного дела являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Дело может быть возбуждено как в тех случаях, когда первичные материалы свидетельствуют о признаках преступления и в них нет данных о лице, заподозренном в его совершении, так и в тех, когда такие данные имеются. В первом случае после возбуждения уголовного дела уголовного преследования не может быть из-за отсутствия его субъекта. Уголовно-процессуальная деятельность по уголовному преследованию начинается только при наличии в деле процессуальной фигуры подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ): если в отношении лица возбуждено уголовное дело, либо которое задержано по подозрению в совершении преступления, либо к которому применена мера пресечения, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ, а при его отсутствии — лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

То есть выполнение функции обвинения начинается с момента возбуждения уголовного преследования в отношении конкретного лица. При этом уголовно-процессуальным законом не предусмотрено вынесение постановления о возбуждении уголовного преследования. Возбуждение уголовного дела в отношении лица, которое оформляется соответствующим постановлением, означает и возбуждение уголовного преследования.

Представляется, что постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) рассматривается как повод и основание для возбуждения уголовного дела именно в отношении подозреваемого лица.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1) функция обвинения состоит из возбуждения уголовного преследования, формулирования и предъявления обвинения, поддержания обвинения перед судом;

2) функция обвинения как вид уголовно-процессуальной деятельности выполняется стороной обвинения с появлением в деле процессуальной фигуры подозреваемого, а в некоторых случаях — обвиняемого;

3) уголовное преследование как обвинительная деятельность представляет собой содержание всей функции обвинения и по этой причине не может рассматриваться в качестве ее подфункции;

4) функция обвинения и обвинение как правовые категории — не тождественны. Функция обвинения — вид уголовно-процессуальной деятельности в состязательном уголовном процессе, осуществляемой соответствующими участниками уголовного судопроизводства, а обвинение — реализация ими предоставленного законом права по утверждению о совершении лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутому в порядке, установленном УПК РФ;

5) возбуждение уголовного преследования — элемент обвинительной деятельности, начальный этап уголовного преследования;

6) обвинение — не вся обвинительная деятельность участников стороны обвинения, а только та ее часть, которая заключается в формулировании и предъявлении обвинения на стадии предварительного расследования, а также поддержание обвинения перед судом.

Литература

1. *Карabut Л.В.* Реализация функции уголовного преследования по новому УПК Украины // *Мировой судья*. 2013. № 5. С. 6–8.

2. *Качалов В.И.* Уголовно-процессуальные функции // *Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры*. М.: Юрайт, 2014. 1060 с.

3. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юрид. литература, 1986. 160 с.

4. *Ротар А.И.* Соотношение категорий «обвинение» и «уголовное преследование» // *Современные концепции научных исследований: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф.* № 7. М., 2014. С. 114–117.

5. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 468 с.

Literatura

1. *Karabut L.V.* Realizaciya funkcij ugovnogo presledovaniya po novomu UPK Ukrainy' // Mirovoi sud'ya. № 5. 2013. S. 6–8.
2. *Kachalov V.I.* Ugolovno-processual'ny'e funkcii // Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury'. M.: Yurajt, 2014. 1060 s.
3. *Larin A.M.* Rassledovanie po ugovnomu delu: processual'ny'e funkcii. M.: Yurid. literatura, 1986. 160 s.
4. *Rotar A.I.* Sootnoshenie kategorij «obvinenie» i «ugolovnoe presledovanie» // Sovremennyy'e koncepcii nauchny'x issledovanij: materialy' VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. № 7. 2014. S. 114–117.
5. *Strogovich M.S.* Kurs sovetskogo ugovnogo processa. T. 1. M.: Nauka, 1968. 468 s.

S.N. Churilov

**About the Relation between the Concepts
of «Functions of Prosecution», «Prosecution» and «Accusation»**

The article discusses the relationship of legal categories «functions of prosecution», «prosecution» and «accusation», critically examines various viewpoints of processualists on this debatable issue, the meaning of these scientific categories is determined.

Keywords: function of prosecution; criminal prosecution; charge; ratio; contents.

**Л.Б. Ситдикова,
А.Л. Шиловская**

К вопросу об использовании судьей в гражданском процессе элементов медиации

Статья посвящена проблеме повышения эффективности института примирения сторон в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются перспективы развития данного института с помощью внедрения элементов медиации в деятельность судей. Проблема рассмотрена в контексте повышения уровня судебно-правовой культуры как профессионального сообщества судей, так и населения в целом.

Ключевые слова: примирение сторон; судья; медиация; мировое соглашение; судебно-правовая культура; подготовка к судебному разбирательству.

Под судебно-процессуальной правовой культурой традиционно принято понимать общий уровень знаний и объективное отношение общества, а также личности к судопроизводству в виде определенных убеждений и установок. В рамках судебно-процессуальной правовой культуры рассматривают и уровень знаний населения по обращению в суд за защитой нарушенных прав, и умение индивида вести себя на заседании суда, и знание своих процессуальных прав и обязанностей. Анализируя структуру дел по данным судебной статистики, можно прийти к выводу о том, что количество спорных ситуаций, доходящих до рассмотрения в суде, и их видовое разнообразие в России не становится меньше.

Не перечисляя все статистические позиции по видам и количеству дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции и мировых судах, проиллюстрируем их на некоторых примерах.

За последние годы (2007–2013 гг.) в судах общей юрисдикции и мировых судах было рассмотрено 676 342 дела с участием супругов, имеющих детей, и 96 701 дело с участием супругов без несовершеннолетних детей. О взыскании алиментов было рассмотрено 313 189 дел. Не уменьшается количество споров, связанных с воспитанием детей, — 21 878. В трудовой сфере можно отметить существенное число исков об оплате труда — 459 016. Порядка 1 976 тысяч дел

в рамках искового производства были посвящены взысканию платы за жилую площадь и коммунальные услуги, тепло и электроэнергию. С наследованием имущества были связаны 103 925 дел. Весьма значительную долю занимают споры о взыскании сумм по различным видам обязательств — 1 291 040.

Такое количество конфликтных ситуаций, доведенных до суда, явно свидетельствует о том, что участники гражданских правоотношений не смогли найти иной способ, кроме как прибегнуть к разрешению спора судом. В последние несколько лет в юридическом сообществе активно обсуждали вопрос о внедрении медиации в гражданское и арбитражное судопроизводство. Данная дискуссия завершилась принятием Федерального закона РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2].

Под этим новым для российского законодателя и правоприменителя термином понимается процесс, в рамках которого участники разрешают конфликт с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) [6: с. 17]. Здесь целесообразно обратиться к понятию судебной культуры, которое означает общий уровень понимания профессиональной группой (судьи) задач своей деятельности в широком социальном контексте, в том числе понимание того, что стороны обращаются за помощью в разрешении спора, который они не смогли разрешить самостоятельно именно по причинам, не связанным с правом, а по причинам исключительно психологического характера.

В то же время можно отметить, что задача по примирению сторон в рамках гражданского судопроизводства решается не столь эффективно, насколько это могло бы быть. Следует обратить внимание, что общее количество гражданских дел, поступивших по первой инстанции в российские суды общей юрисдикции в 2013 году, — 12 903 316. Между тем в результате примирения сторон в 2013 году было прекращено только 143 634 дела в судах всех уровней, что составляет чуть более 1 % от поступивших дел. При этом медиативное соглашение послужило причиной прекращения всего 878 дел по стране. Очевидно, что культура примирения в судебном процессе находится на крайне низком уровне. Не стал популярным, как можно видеть из данных статистики, среди спорящих сторон за минувшие почти пять лет существования соответствующего закона и институт медиации.

Как отмечает Б.И. Пospelов, «...процедура медиации, несмотря на свои очевидные преимущества, фактически не применяется ввиду отсутствия достаточного количества сертифицированных медиаторов и неразвитости этой процедуры» [9]. Данным автором обоснованно приводится ссылка на послание бывшего Президента России Д.А. Медведева к Федеральному Собранию, в котором он указал, что «законы о медиации, которые приняты, почти не работают, случаи заключения соглашений единичны»¹.

¹ Послание Д.А. Медведева к Федеральному Собранию (декабрь 2011 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14088> (дата обращения: 20.02.2015).

Какими могут быть пути повышения уровня культуры примирения в гражданском процессе на сегодняшний день?

Позволим предположить, что назревает целесообразность имплементации элементов медиации в деятельность судьи, и данное обстоятельство необходимо проанализировать.

Основным отличием медиации от рассмотрения дела в суде является то, что, обращаясь в суд, граждане переносят бремя урегулирования конфликтов на независимое третье лицо — судью, а в процедуре медиации стороны с помощью постороннего беспристрастного лица — медиатора — разрешают конфликт самостоятельно. Даже «идеологи» медиации согласны с тем, что в ряде ситуаций невозможно разрешить конфликт самостоятельно, в частности, когда другая сторона не способна к диалогу, но в случае, если обе стороны спора не против обсуждения, предпочтительнее прибегать к процедуре медиации.

Однако данные статистики свидетельствуют о том, что в отечественной правовой культуре принято перекладывать решение спора на других, т. е. на орган власти. Для граждан бывает крайне сложно переступить психологический порог и начать обсуждать сложную, к примеру, семейно-правовую ситуацию самостоятельно или вдруг перейти к обсуждению многолетней соседской вражды в присутствии медиатора.

В условиях, когда к медиаторам граждане обращаться не торопятся, модели самостоятельного разрешения конфликтов в народе утрачены с позапрошлого века [4], а граждане склонны к судебной форме защиты права, то встает вопрос о необходимости повышения эффективности задачи по примирению сторон в рамках судопроизводства самим судьей [9; 10]. Казалось бы, при абсолютной несхожести и, на первый взгляд, абсурдности сравнения медиации и гражданского судопроизводства, все же есть необходимость сопоставить их.

Как ни странно, можно обнаружить много общего в институте медиации и судебного разрешения спора.

Так, многие принципы медиации [5: с. 53] соотносятся с принципами гражданского процесса:

- добровольность участия сторон соответствует принципу диспозитивности в гражданском процессуальном праве;
- информированность сторон — обязанности суда информировать стороны об их правах и обязанностях;
- нейтральность медиатора — беспристрастности судей;
- конфиденциальность процесса медиации — возможности проведения судебного заседания в закрытом порядке по ряду дел и причин;
- принцип заглаживания вреда соотносится с задачей гражданского процесса по защите нарушенных прав.

Основой медиации в отличие от судебного процесса является организация диалога между сторонами, который дает им возможность лучше узнать и понять

друг друга, в то время как в судебном процессе организация диалога дает возможность судье понять с материально-правовой и процессуально-правовой сторон ситуацию и вынести законное решение по делу.

Диалог способствует изменению отношений — переходу от конфронтации, предубеждения, подозрительности, агрессивности к позитивным взаимоотношениям. В этой связи медиатор помогает выразить и услышать точки зрения, мнения, чувства сторон. Достижение способности к диалогу, способности решить ситуацию, достижение соглашения, очеловечивание отношений — основные ценности медиации.

Традиционно роль суда сводится к осуществлению правосудия по гражданским делам путем проведения состязательного процесса. Тем не менее в рамках задач гражданского судопроизводства возможно, на наш взгляд, перейти к более полноценному осуществлению примирения сторон судьей. Для этого имеются и законодательные предпосылки.

Так, согласно статье 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [1], гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду. В статье 12 ГПК РФ указано, что суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Таким образом, очевидно, что вся деятельность судьи направлена на достижение того исхода дела, который был бы не только законным, но и максимально приемлемым или хотя бы очевидным для сторон, именно для этого им оказывается содействие в реализации прав, создаются условия для полного установления обстоятельств дела и т. д.

Возможность примирения сторон декларирована в статье 39 ГПК РФ о возможности изменения иска, отказа от него и заключения мирового соглашения. Важно, что все указанные действия, а не только непосредственно окончание дела мировым соглашением, могут свидетельствовать о примирении стороны. Так как отказ от иска или его признание далеко не всегда происходят по причине осознания той или иной стороной юридической бесперспективности своих требований, а происходит по причине достигнутого понимания в ходе досудебного, внесудебного, судебного рассмотрения и анализа ситуации сторонами или одной из них.

Наиболее четко ценность достижения примирения сторон в гражданском судопроизводстве сформулирована в задачах подготовки дела к судебному разбирательству в статье 148 ГПК РФ. Примирение сторон указано как одна

из пяти задач. Конкретизируется данная задача в статье 150 ГПК РФ (действия судьи при подготовке дела к судебному разбирательству). Наряду с другими действиями также судья принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения в порядке, установленном федеральным законом, процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства, и разъясняет сторонам их право обратиться за разрешением спора в третейский суд и последствия таких действий.

Не только в главе о подготовке дела к судебному разбирательству, но и в главе о судебном разбирательстве обозначена роль суда в примирении сторон. В статье 172 ГПК РФ отмечено, что председательствующий выясняет, поддерживает ли истец свои требования, признает ли ответчик требования истца, не желают ли стороны закончить дело мировым соглашением или провести процедуру медиации.

В соответствии с пунктом 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О подготовке дела к судебному разбирательству», согласно принципу диспозитивности стороны вправе уже в стадии подготовки дела к судебному разбирательству окончить его мировым соглашением. Если действия сторон не противоречат закону и не нарушают права и охраняемые законом интересы других лиц, цели гражданского судопроизводства достигаются наиболее экономичным способом. С учетом этого задача судьи состоит: в разъяснении сторонам преимуществ окончания дела миром; в разъяснении того, что по своей юридической силе определение об утверждении мирового соглашения не уступает решению суда и в случае необходимости также подлежит принудительному исполнению; в соблюдении процедуры утверждения мирового соглашения [3].

Анализ данных норм показывает, что содержание действий непосредственно самого судьи по разъяснению «преимуществ окончания дела миром» в рамках реализации задачи по примирению так и не раскрывается. Однако четко прослеживается тенденция делегирования решения задачи по примирению — судья перенаправляет стороны к медиатору, разъясняет правовые последствия и т. п.

Крайне важно ответить на вопрос, должен ли судья выполнять еще другие действия по примирению или ему следует лишь формально проинформировать стороны о плюсах примирения и последствиях его?

Как отмечает Б.И. Пospelов, «...представляется, что такой подход является формальным, поскольку он не отвечает идее примирения, культивирование которой как социально значимой ценности в настоящее время происходит в обществе... Наоборот, со стороны суда необходимы действия, содержание которых должно определяться судьейским усмотрением, суть которого — найти решение, наиболее точно отвечающее замыслу законодателя, а это непростая, творческая задача» [8: с. 19].

На сегодняшний день ни в рамках основных образовательных программ по направлению «Юриспруденция», ни в программах дополнительного профессионального образования нет возможности ознакомить будущих или практикующих судей с прикладными психологическими, коммуникативными и прочими знаниями, навыками и техниками, которые могли бы помочь в рамках судопроизводства преодолеть формализм и достигать истинных целей правосудия.

Можно согласиться с Л.М. Карнозовой, которая обосновывает необходимость использования коммуникативных навыков в деятельности судьи и отмечает, что «...судья не просто работает с людьми, он решает их судьбы, поэтому его деятельность не может сводиться к формальным операциям с юридическими конструкциями. Кроме того, судья еще и человек, а во всяком человеческом акте, сколь бы регламентированным он ни был, остается место личностному началу, которое формируется в процессе культурного развития» [6: с. 5].

Очевидно, что судья не будет обладать такими временными возможностями для примирения сторон, как это могло бы быть в случае полноценной процедуры медиации. В связи с чем важным является качественное содержание действий суда по примирению сторон. Эффективность действий суда по примирению будет зависеть от соответствующей подготовки судей, знания ими основ альтернативных способов разрешения споров, наличия у них медиативных и коммуникативных навыков в результате прохождения соответствующего обучения, а также непосредственно от личностных качеств судей, понимания истинных причин поведения истца и ответчика, особенностей личности того и другого.

Стадию подготовки дела к судебному разбирательству можно было бы наполнить элементами процедуры медиации в рамках встреч со сторонами, предварительное судебное заседание могло бы послужить совместному обсуждению возможностей примирения уже в присутствии обеих сторон.

В этой связи интересен опыт одного из городских судов Ленинградской области. Вот как описывает апробирование метода медиации на стадии подготовки дела к судебному разбирательству судья З.Н. Пехтелев: «...дав сторонам выговориться, я стала выяснять у них: были ли между ними другого рода отношения, когда один приходил на помощь другому, о чем каждый из них помнит (или может вспомнить) и сегодня; каким образом они разрешали возникавшие ранее конфликты, сразу ли обращались в суд; были ли случаи, когда получалось разрешить конфликт без обращения к третьим лицам, тем более официальным... что чувствует каждый из них, когда одному пришлось обращаться в суд, а второму узнать об этом... Было видно, что раньше они вообще не обсуждали между собой свои проблемы... Из-за сильного эмоционального накала мне пришлось прервать встречу и продлить подготовку к рассмотрению дела, то есть вызвать участников еще раз. На второй встрече они говорили уже более конструктивно, без упреков и претензий друг к другу... В следующий раз они принесли

мировое соглашение, где был прописан не только сам порядок общения с ребенком, но и обязательства каждого из них и ответственность за их нарушение» [7: с. 122–123]. З.А. Пехтелева резюмирует: «... судья не медиатор и не должен им быть, но проведение примирительных встреч по таким гражданским делам я считаю возможным и правильным» [7: с. 123].

Данный пример иллюстрирует возможности примирительных практик судом. В этой связи вспомним, какова была истинная причина возникновения альтернативных способов разрешения споров в наши дни? Безусловно, ею стало снижение на определенном этапе доверия к судебной власти, уверенности в том, что из суда никто не уйдет обиженным. Альтернативное разрешение споров в целом и медиация в частности — это суд вне суда, суд вместо суда, вне стен официальной судебной инстанции. Выходит, часть истинной миссии судебной системы утрачена, утрачена в определенной степени судебно-процессуальная культура.

Куда бы ни приходил человек — к старейшинам, на княжий двор, на вече, или в зал заседаний, — он приходил, чтобы найти разрешение спорной ситуации, чтобы по итогам получить мир худой или добрый и, если возможно, достичь его с помощью примирения. Исконная роль суда — не только разрешить спор, не только наказать обидчика, восстановить справедливость, но и примирить.

Нами не оспаривается необходимость существования альтернативных способов разрешения споров. В то же время отметим, что на сегодняшний день наблюдается опасность маргинализации деятельности судьи за счет максимального сужения сферы его деятельности. Судей превращают в чиновников, сужая рамки убеждения судьи, автоматизируя его действия. Отход от понимания суда как интеллектуального ресурса разрешения спора недопустим.

В контексте вышеизложенного полагаем, что деятельность судьи должна быть наполнена инструментами по самостоятельному примирению сторон.

Традиционно принято считать, что сама обстановка судебного заседания не предполагает обсуждения таких категорий, как обида, непонимание, справедливость. Казалось бы, факты — вот единственное, что интересует судью, да и время судебного заседания ограничено объективной потребностью в разрешении других запланированных на данный день дел.

Безусловно, речь не идет о том, чтобы судьи переориентировали свою деятельность на то, чтобы только мирить стороны. Однако добиться больших результатов по примирению сторон путем использования судьей элементов медиации вполне можно было бы. В рамках одной статьи мы не можем анализировать конкретные техники примирения, которые могли бы быть использованы судьей. Полагаем, это станет предметом дальнейшего изучения и дискуссии в трудах современных ученых.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9 (сентябрь).
4. *Земцов Л.И.* Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80 гг. XIX в.). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2007. 264 с.
5. *Максудов Р.Р.* Восстановительная медиация: идея и технология: метод. рекомендации. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. 72 с.
6. Основы гуманитарной компетентности судьи, рассматривающего уголовные дела в отношении несовершеннолетних: метод. пособие / под ред. Л.М. Карнозовой. М.: Акварель, 2011. 174 с.
7. *Пехтелева З.Н.* Возможность внедрения восстановительных технологий при рассмотрении судами гражданских дел // Работа с детьми и семьями в трудной жизненной ситуации: роль государства и общества: сб. докл. М.: Ин-т права и публичной политики, 2011. 175 с.
8. *Поспелов Б.И.* Роль суда в примирении сторон в гражданском процессе // Российский судья. 2013. № 5. С. 16–21.
9. *Шиловская А.Л.* Медиация как способ внесудебного разрешения семейных споров // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: «Юридические науки». 2013. № 2 (3). С. 41–45.
10. *Шиловская А.Л.* Повышение эффективности гражданского и уголовного процесса с помощью медиации // Юридический мир. 2013. № 10. С. 47–50.

Literatura

1. *Grazhdanskij processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii* ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.12.2014) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2002. № 46. St. 4532.
2. *Federal'ny'j zakon RF* ot 27.07.2010 № 193-FZ (red. ot 23.07.2013) «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2010. № 31. St. 4162.
3. *Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF* ot 24.06.2008 № 11 (red. ot 09.02.2012) «O podgotovke grazhdanskix del k sudebnomu razbiratel'stvu» // *Byulleten' Verxovnogo Suda RF*. 2008. № 9 (sentyabr').
4. *Zemczov L.I.* Krest'yanskij samosud: pravovy'e osnovy' i deyatel'nost' volostny'x sudov v poreformennoj Rossii (60–80 gg. XIX v.). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2007. 264 s.
5. *Maksudov R.R.* Vosstanovitel'naya mediaciya: ideya i texnologiya: metod. rekomendacii. M.: In-t prava i publichnoi politiki, 2009. 72 s.
6. *Osnovy' gumanitarnoj kompetentnosti sud'i, rassmatrivayushhego ugovolny'e dela v otnoshenii nesovershennoletnix: metod. posobie / pod red. L.M. Karnozovoj.* M.: Akvarel', 2011. 174 s.
7. *Pexteleva Z.N.* Vozmozhnost' vnedreniya vosstanovitel'ny'x texnologij pri rassmotrenii sudami grazhdanskix del // *Rabota s det'mi i sem'yami v trudnoj zhiznenoj situacii: rol' gosudarstva i obshhestva: sb. dokl.* M.: In-t prava i publichnoj politiki, 2011. 175 s.

8. *Pospelov B.I.* Rol' suda v primirenii storon v grazhdanskom processe // Rossijskij sud'ya. 2013. № 5. S. 16–21.

9. *Shilovskaya A.L.* Mediatsiya kak sposob vnesudebnogo razresheniya semejny'x sporov // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: "Yuridicheskie nauki". 2013. № 2 (3). S. 41–45.

10. *Shilovskaya A.L.* Povy'shenie effektivnosti grazhdanskogo i ugovolnogo processa s pomosh'yu mediatsii // Yuridicheskii mir. 2013. № 10. S. 47–50.

*L.B. Sitdikova,
A.L. Shilovskaya*

About the Issue of Using the Elements of Mediation in Civil Process by the Judge

This paper is devoted to the problem of increasing the efficiency of the institute of reconciliation of the parties in civil proceedings of the Russian Federation. The prospects of development of this institution by introducing elements of mediation in the work of judges are analyzed. The problem is considered in the context of improving the judicial and legal culture as a professional community of judges and the general public.

Keywords: reconciliation between the parties; the judge; mediation; settlement agreement; judicial and legal culture; preparation for a trial.

А.И. Поляков

Формирование неправительственных общественных организаций, осуществлявших деятельность по охране интересов граждан в России во второй половине XIX века

В статье рассматриваются тенденции формирования и развития неправительственных общественных организаций, осуществлявших правозащитную и правоохранительную деятельность в России во второй половине XIX века, к которым автор отнес: институт частных поверенных, адвокатуру, земские и городские органы самоуправления, женское движение, частные благотворительные организации и т. д.

Ключевые слова: правоохранительные институты; неправительственные организации; Судебная реформа 1864 года; институт частных поверенных, адвокатура; земства; феминистское движение; благотворительные организации.

Социально-правовые реформы Российской империи второй половины XIX века затронули неправительственные общественные организации и общественные институты, имеющие отношение к правоохранительной и правозащитной деятельности. Отчасти это стало показателем развития новых тенденций в Российском государстве. О первой из них писал Ф.А. Петров, характеризуя преобразования Александра II: «...реформы 60-х – начала 70-х годов XIX века были заметным шагом вперед на пути превращения России в правовое государство, они коренным образом изменили политический облик страны, однако оставался неизменным центральный бюрократический аппарат самодержавия. Именно в нем коренился главный парадокс русской истории» [6: с. 32].

Вторая тенденция была связана с реализацией принципов равенства всех перед законом. Именно Судебная реформа 1864 года заложила базис для развития популярных в то время в Европе принципов равной ответственности перед законом. Она предусматривала гласность и состязательность судебного процесса. Судебная власть была отделена от исполнительной и законодательной

ветвей власти. Был введен бессловный и гласный суд, утвержден принцип несменяемости судей. Во многом благодаря этому наметился рост правового самосознания общества, обозначился подъем общественной активности, что повлияло и на развитие неполитических объединений.

Движение российского общества к правовому государству предопределило зарождение и активное функционирование негосударственного сектора, осуществлявшего защиту интересов граждан. Следуя курсу на становление буржуазно-демократического общества, чиновники были вынуждены создавать условия для активного функционирования адвокатуры и иных общественных организаций, способных защищать законные интересы граждан.

После выхода 20 ноября 1864 года «Учреждения судебных установлений»¹ возникла целесообразность организации института присяжных поверенных в форме корпорации при судебных палатах. Названная структура не входила в состав суда, а существовала на основе самоуправления под надзором судебной власти. В соответствии со статьей 354 названного акта присяжными поверенными могли быть лица, получившие аттестаты университетов или других высших учебных заведений, иные документы об окончании юридических курсов, либо «...по выдержании экзамена в сих науках, если сверх того прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел»², или состоявшие не менее пяти лет кандидатами на должности по судебному ведомству, или если они занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников. При этом указанные лица не могли быть моложе 25 лет. Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам и обязаны были избирать место жительства в одном из городов округа той палаты, к которой они были приписаны. Надзор над деятельностью присяжных поверенных должны были осуществлять создаваемые советы присяжных поверенных.

Практическая реализация судебных установлений показала необходимость кратного увеличения количества присяжных поверенных, что привело к изданию в 1874 году закона, учредившего наряду с присяжной адвокатурой институт частных поверенных. Частных поверенных считали второстепенным звеном в адвокатской системе, поскольку к ним предъявляли менее жесткие требования. Частные поверенные не объединялись, а свою деятельность осуществляли при судах. Основанием утверждения в должности частного поверенного и получения права на участие в производстве гражданских дел у мировых судей и в общих судебных установлениях являлось получение особого свидетельства, которое выдавали суды того округа, где частный поверенный осуществлял ходатайство по делам.

¹ URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=180&part=807 (дата обращения: 20.03.2015).

² URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 20.03.2015).

Фактически данный акт закрепил существование адвокатуры как негосударственной структуры, представлявшей интересы физических и юридических лиц и выступавшей как официально признанная на государственном уровне правоохранительная организация.

Помимо адвокатуры, в это время активно развивались неправительственные институты, такие, как земские и городские органы самоуправления. Они разрушали монополию бюрократии и самодержавия на общественную деятельность. Через земства были реализованы различные проекты, в которых учитывали интересы малоимущих граждан. Особое значение придавали культурно-просветительной работе. На данное направление в 70-е годы XIX века из бюджета было выделено 15–20 % денежных средств [5: с. 159].

Земства оказывали содействие распространению знаний в области агрономии, помогали развитию кустарной промышленности, приводили в порядок статистическую отчетность, хозяйственную деятельность, решали бытовые вопросы, способствовали развитию врачебной помощи населению через земских врачей и больницы.

Однако деятельность земств государство жестко регламентировало статьей 7 «Положения о губернских и уездных учреждениях» от 1 января 1864 года³, которая четко определяла, что земские учреждения не могут выходить из круга указанных им дел; они не вмешиваются в дела, принадлежащие кругу действий правительственных, сословных и общественных властей и учреждений. Несмотря на это, земства принимали участие в оказании правовой помощи малоимущим гражданам. Такая сфера деятельности прямо не регламентировалась действующим на тот период законодательством.

Одним из популярных общественных движений не только в Европе, но и в России во второй половине XIX века было женское движение, которое получило распространение после узаконения буржуазно-демократических реформ.

Начальный этап развития женского движения охватывает период с 1859 по 1905 год. Создание в 1859 году Общества доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга было идеей М.В. Трубниковой, А.П. Философовой и В.Н. Ростовцевой. В том же году начало действовать Общество для оказания материальной помощи беднейшему населению, инициированное М.В. Трубниковой, А.П. Философовой и Н.В. Стасовой, которых именовали «феминистским триумvirатом». На начальном этапе триумvirат, вместе с другими инициативными лицами и сторонниками, развернул широкую филантропическую, образовательную и консультативно-правовую деятельность, что было характерно для феминизма в период притеснений и ограничения возможностей политической активности.

³ URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=1&part=803 (дата обращения: 20.02.2015).

В 1861 году А.П. Философова подготовила документы для открытия в столице первой женской трудовой ассоциации — Общества женского труда, которое начало действовать с 1862 года, далее в 1863 году М.В. Трубникова и Н.В. Стасова учредили женскую издательскую артель. С 1864 года в Петербурге открыл двери первый магазин женских рукоделий, дававший женщинам работу в качестве продавщиц, торговавший швейными инструментами и готовой продукцией (при магазине была открыта и мастерская, где можно было обучиться навыкам шитья) [7].

Рассматривая проблему женского движения с критических позиций, Петр Алексеевич Кропоткин в своих записках констатировал, что «Александр II не навидел ученых женщин. Когда он встречал девушку в очках и в гарибальдийской шапочке, то пугался, думая, что перед ним нигилистка, которая вот-вот выпалит в него из пистолета»⁴.

Отношение самодержавия к образованным женщинам особым образом отражалось на женских организациях. В 1881 году значительное количество из них попали под запрет вместе с иными общественными объединениями. В большинстве случаев женщины, получившие дипломы о высшем образовании, а также окончившие образовательные курсы в России или за рубежом, как правило, имели проблемы с трудоустройством. Даже созданное в 1893 году по инициативе Н. Стасовой Общество вспоможения окончившим курс наук не могло обеспечить их работой.

Отмечая негативные тенденции того периода, можно констатировать, что феминистское движение в России не было и не могло быть массовым. Оно не располагало своими представителями в государственных организациях, не имело возможности оказывать постоянное давление на власть или лоббировать свои интересы. Тем не менее данное движение существенно повлияло на формирование общественного мнения и отношения к проблемам женской части населения страны.

Особое положение феминистское движение получило после выхода в свет романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Данная книга способствовала созданию женских трудовых ассоциаций и коммун, а также определенным образом повлияла на решение личных и семейных коллизий в духе героев и героинь этого произведения.

Реформы социально-правовой среды, развитие науки и техники показали необходимость формирования системы подготовки профессиональных работников. В этой связи на местах появлялось большое число педагогических и культурно-просветительных организаций, чья деятельность активизировалась после 1870 года, когда они стали работать совместно с органами местного самоуправления. В этот период широкое распространение получило движение по оказанию адресной социальной помощи. Именно оно стимулировало рост

⁴ Кропоткин о женском движении XIX века // Кропоткин П.А. Записки революционера. URL: <http://anarho-feminizm.livejournal.com/154496.html> (дата обращения: 15.03.2015).

благотворительных организаций, которых к концу XIX века в России насчитывалось 4 762 общества и 6 278 благотворительных заведений. Как отмечалось, большинство из них (около 8 тысяч) находились в городах, а остальные в сельской местности [8: с. 98].

Регламентировал деятельность благотворительных организаций, создаваемых по инициативе частных лиц, специальный законодательный акт — Устав об общественном призрении, согласно которому благотворительная организация могла состоять из неограниченного числа членов, уплачивающих членские взносы или обязующихся содействовать организации личным трудом в достижении ее целей [9]. Все участники организаций делились на почетных, действительных и соревнователей. Высшим руководящим органом было Общее собрание членов организации, на котором избирали Правление (Комитет, Совет) организации и ревизионную комиссию.

В статье 442 вышеназванного Устава закреплялось положение об обязательном наличии денежных средств, необходимых для функционирования данной организации [9]. В частности, говорилось, что, в отличие от государственных, частные благотворительные организации не могли быть созданы без формирования соответствующих финансовых средств. По состоянию на 1900 год средства, обеспечивающие стоимость недвижимости, составляли: в благотворительных обществах — 74 %, а в благотворительных учреждениях — 43 %. Благотворительным обществам и частным благотворительным учреждениям государство представляло льготы относительно некоторых платежей, пошлин, сборов и других повинностей [9].

Как отмечалось в «Очерках истории права Российской империи», создание царским правительством «...примерного устава для некоторых видов благотворительных организаций являлось следствием стремления государства одновременно и поощрять, и контролировать частную благотворительность» [4: с. 237].

Еще одна тенденция, косвенно влиявшая на формирование правозащитного сектора в конце XIX века, связана с развитием практико-ориентированного образования, которое начало складываться в некоторых университетах России. Как утверждают исследователи, появление юридических клиник при Московском университете, в Университете Святого Владимира в Киеве, Казанском университете оказало существенное влияние на привлечение студентов к реализации практических задач, приблизив теоретическое обучение к практике применения знаний [1: с. 4].

Устройство юридических клиник соответствовало задачам тех лет, а именно оказанию бесплатной юридической помощи «...нуждающимся бедным людям. Тут же бесплатно могла составляться соответствующая бумага или судебный иск. Более сложные дела распределялись между отдельными учащимися (кураторами). К обсуждению принимались вопросы, случаи, дела гражданского и уголовного свойства — иски, тяжбы, апелляции, ревизионные и следственные дела» [2: с. 62].

Этот опыт оказался удачным, так как работа в клиниках знакомила учащихся с реальными проблемами юридической практики, позволяла на деле применить

приобретенные знания, формировала профессиональные и личные качества будущих юристов. Клиническая практика выполняла важную социальную функцию: обеспечивала право малоимущих граждан на получение квалифицированной юридической помощи и соответственно способствовала защите имущественных и иных интересов.

Подводя итог, можно констатировать, что после отмены крепостного права и реализации Судебной реформы 1864 года в российском обществе произошли позитивные процессы, изменившие мировоззрение граждан. Российская империя вступила в полосу демократических преобразований, отразившихся на ее внутренней правовой политике, которая содействовала появлению и активизации деятельности неправительственных правоохранительных и правозащитных институтов, что в определенной степени повлияло на изменение социально-правового положения граждан государства.

Литература

1. *Дорская А.А.* Развитие юридического образования как составляющая российских правовых реформ: историко-правовой анализ // Юстиция. 2013. № 1. С. 1–7.
2. *Дудырев Ф.Ф., Малков В.П.* Юридические клиники в России: Возвращение через 150 лет // Государство и право. 2002. № 4. С. 61–63.
3. *Ефремова Н.Н.* Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 31–37.
4. *Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В.* Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Статут, 2006. 338 с.
5. *Пашенцев Д.А.* История государства и права России: курс лекций. М.: Эксмо, 2010. 448 с.
6. *Петров Ф.А.* Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 32–33.
7. *Пушкарева Н.* Начало женского движения в России // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра: мат-лы конф. (Москва, 26 февраля 2010 г.) / отв. ред. Г.М. Михалева. М.: РОДП ЯБЛОКО, КМК, 2010. 232 с.
8. *Пашенцева С.В.* Правовое регулирование благотворительной деятельности в Российской империи // Государство и право. 2006. № 12. С. 98–104.
9. Устав об общественном презрении. СПб., 1892.

Literatura

1. *Dorskaya A.A.* Razvitie yuridicheskogo obrazovaniya kak sostavlyayushhaya rossijskix pravovy'x reform: istoriko-pravovoj analiz // Yusticiya. 2013. № 1. S. 1–7.
2. *Dudy'rev F.F., Malkov V.P.* Yuridicheskie kliniki v Rossii: Vozvrashenie cherez 150 let // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 4. S. 61–63.
3. *Efremova N.N.* Razvitie konstitucionny'x osnov pravosudiya v Rossii (istoricheskaya retrospektiva) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 2. S. 31–37.
4. *Komarov N.I., Pashencev D.A., Pashenceva S.V.* Ocherki istorii prava Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). M.: Statut, 2006. 338 s.

5. *Pashencev D.A.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii: kurs lektsii. M.: E'ksmo, 2010. 448 s.
6. *Petrov F.A.* Zemsko-liberal'ny'e proekty' pereustroistva gosudarstvenny'x uchrezhdenij v Rossii v konce 70-x – nachale 80-x godov XIX v. // *Otechestvennaya istoriya*. 1995. № 4. S. 32–33.
7. *Pushkareva N.* Nachalo zhenskogo dvizheniya v Rossii // *Zhenskoe dvizhenie v Rossii: vchera, segodnya, zavtra: mat-ly' konf. (Moskva, 26 fevralya 2010 g.) / otv. red. G.M. Mixaleva*. M.: RODP YaBLOKO, KMK, 2010. 232 s.
8. *Pashenceva S.V.* Pravovoe regulirovanie blagotvoritel'noj deyatel'nosti v Rossijskoj imperii // *Gosudarstvo i pravo*. 2006. № 12. S. 98–104.
9. *Ustav ob obshhestvennom prezrenii*. SPb., 1892.

A.I. Polyakov

**Formation of Non-governmental Organizations Carrying out Activities
for the Protection of the Interests of Citizens in Russia
in the Second Half of the 19th century**

The article considers tendencies of forming and developing non-governmental organizations which carried out human rights and law enforcement practices in Russia in the second half of the 19th century. The author refers private attorney institution, the Bar, district and city self-government bodies, feminist movement and private charitable institutions to the following organizations

Keywords: law enforcement institutions; non-governmental organizations; judiciary reform in 1864; chamber counsel institution; district councils; feminist movement; charitable institutions.

В.А. Северухин

**Рецензия на учебник:
Протасов В.Н. Теория государства и права
(М.: Юрайт, 2014. 495 с.
(Бакалавр. Базовый курс))**

Учебник соответствует федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр») и примерной программе учебной дисциплины «Теория государства и права», являющейся составной частью основной образовательной программы бакалавриата, утвержденной Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов Российской Федерации.

Учебный материал четко структурирован, ясно и последовательно изложен. Издание отличают информационная насыщенность, аргументированность теоретических выводов, точность и краткость формулировок.

В учебнике выделено четыре основных блока вопросов:

- 1) общеправовой (общая теория права);
- 2) государствоведческий (теория государства);
- 3) блок, посвященный характеристике связей права и государства с другими социальными институтами и ценностями общества (проблематика правового государства, социального государства, связей права и государства с религиозными организациями, политическими партиями и т. п.);
- 4) блок метатеории общей теории права и теории государства (проблематика предмета и методологии, функций, места в системе научного знания и т. д.).

Каждому из названных блоков в учебнике соответствует особый раздел.

В.Н. Протасов обоснованно акцентирует внимание на главном теоретическом блоке, которым является *общая теория права*. В подготовке студентов-юристов она занимает особое место, к ней постоянно обращаются на протяжении всего периода обучения в юридическом вузе. На положениях общей теории права базируется изучение учебных дисциплин, посвященных конкретным отраслям права.

В учебнике общеправовым является третий раздел, который следует после раздела «Теория государства». Такое построение представляется обоснованным с точки зрения *методики*.

То обстоятельство, что в названии учебной дисциплины «Теория государства и права» слово «право» следует ставить на первое место, и главным является общеправовой блок, не означает, что *в учебном процессе* он должен опережать теоретический блок государствоведения. Предварительное изучение ряда вопросов теории государства позволяет перейти к общеправовой проблематике.

В учебнике четко и в последовательной форме представлены важнейшие положения общей теории права и теории государства. Рассмотрены типы и формы государства, общие закономерности генезиса права и государства, сущность и функции права и государства, основы метатеории общей теории права и теории государства, принципы и механизмы правового регулирования поведения.

Интересные рубрики содержит введение к учебнику: изложенная в нем информация, несомненно, окажется для студентов полезной. В частности, заслуживает внимания мнение автора о соотношении методологии юридической науки и методологии общей теории права.

В предисловии автор определяет основные задачи изучения дисциплины, неформально излагает материал о том, что должен знать, уметь и чем должен владеть бакалавр.

Уместны и функциональны эпиграфы к учебнику (с. 19) и к отдельным его разделам (с. 65, 96, 177, 441).

В соответствии с философской точкой зрения сформулировано название первого раздела — «Метатеория общей теории права и теории государства». По-видимому, назрела необходимость разделы учебников по юриспруденции, связанные с описанием науки (наук), на которой базируется учебная дисциплина, характеризовать с позиций метатеории, ее системного алгоритма.

Несомненный интерес представляет вариант программы учебной дисциплины «Теория государства и права», предложенный автором (с. 488–495) и положенный в основу учебника.

Учебник снабжен учебно-методическим комплексом, включающим в себя тестовые задания, ключи к тестам, вопросы для самопроверки, список рекомендуемой литературы.

В учебнике автор обращает внимание на ряд аспектов общей теории права, мимо которых прошли его предшественники. Так, он справедливо пишет о том, что проблематика, традиционно обозначаемая во всех учебниках рубрикой «Виды толкования», на самом деле содержит две классификационные проблемы: проблему (а) видов толкования-уяснения и проблему (б) видов толкования-разъяснения (с. 280). Весьма интересны и информативны рассуждения автора о современном понимании терминов «система права» и «система законодательства» (с. 249–250), о строении юридической нормы (с. 269–272).

Заслуживает одобрения и повышает ценность рецензируемого издания учебный материал, посвященный теории юридической процедуры (гл. 21). В современной учебной литературе по общей теории права на эту проблематику внимание обращают совсем не часто. Еще реже в качестве содержания учебной литературы можно встретить те сведения, которые изложены в главе 27 «Государство и средства массовой информации».

Вместе с тем не все оригинальные идеи автора получили свое развитие, что следует отнести к недостаткам рецензируемого учебного издания. Например, говоря о том, что методология, о которой ведется речь применительно к правовой теории, рассматривается через призму только теоретико-познавательной функции, ориентирована именно на нее (с. 61), автор на этом и останавливается. А было бы интересно и продуктивно развить данную идею и попробовать разработать и охарактеризовать методологию реализации других функций общей теории права. Или другой пример. То, что в учебной литературе по теории права называют «способами толкования», имеет отношение, по справедливому замечанию В.Н. Протасова, только к уяснению, является способами именно уяснения, а не толкования в целом (с. 278). Но если бы автор включил в учебник вопрос о способах толкования-разъяснения, это было бы новым не только для учебной литературы, но и для научной.

Особо следует отметить патриотическую направленность учебника, равнодушие автора к злободневной, значимой для современной России социальной проблематике (см., например: с. 96–102, 107, 166–168, 328–330, 448–452, 458–459). Данное обстоятельство позволяет рекомендовать учебник вузам, занимающимся юридической (в том числе) подготовкой специалистов, для которых патриотическая составляющая — неотъемлемый, обязательный компонент профессиональной подготовки (Академии ФСБ, например).

Рецензируемый учебник адресован студентам-юристам, обучающимся по программе бакалавриата, преподавателям юридических вузов, а также всем интересующимся общей теорией права и теорией государства. Сегодня литературы, ориентированной на отмеченную аудиторию, издается довольно много. Вместе с тем совершенно очевидно, что настоящий учебник, написанный известным ученым, будет чрезвычайно полезен для подготовки будущих юристов.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2015, № 3 (19)**

Афанасьева Светлана Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (rivz20071@rambler.ru).

Бурьянов Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ (burianov-msk@yandex.ru).

Гаврилова Юлия Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (u.v.gavrilova@gmail.com).

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua).

Минченко Татьяна Петровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; доцент кафедры философии Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (mtp70@mail.ru).

Орлов Михаил Александрович — студент 3-го курса Юридического института МГПУ (rivz20071@rambler.ru).

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (dp-70@mail.ru).

Поляков Александр Иванович — аспирант Международного юридического института (7197690@mail.ru).

Полянский Павел Львович — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права МГУ им. М.В. Ломоносова (iogp@yandex.ru).

Пономарев Михаил Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (mvp2002@list.ru).

Пряхина Татьяна Михайловна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (doktrina2005@yandex.ru).

Санникова Лариса Владимировна — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор кафедры «Гражданское право» Финансового университета при Правительстве РА (Lsannikova@mail.ru).

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (Sev99@yandex.ru).

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (LBSitdikova@mail.ru).

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического института МГПУ (AndreyanovaNN@mgpu.jurist.ru).

Шиловская Анна Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Российского государственного социального университета (shilovskaya.anna@gmail.com).

«MCTTU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2015, № 3 (19)

Afanasyeva Svetlana Anatolyevna — PhD in Law, Associate Professor, Department of State and legal disciplines Law institute MCTTU (rivz20071@rambler.ru).

Buryanov Sergey Anatolyevich — PhD in Law, Associate Professor, Department of international law and human rights Law institute MCTTU (burianov-msk@yandex.ru).

Gavrilova Yuliya Vyacheslavovna — PhD in Law, Associate Professor, Department of State and legal disciplines Law institute MCTTU (u.v.gavrilova@gmail.com).

Kuksin Ivan Nikolaevich — Grand PhD in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal Law Law institute MCTTU (proffkuk-1944@yandex.ua).

Minchenko Tatyana Petrovna — PhD in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University; Associate Professor of Philosophy, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (mtp70@mail.ru).

Orlov Mikhail Aleksandrovich — 3rd year student, Law Institute MCTTU (rivz20071@rambler.ru).

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Grand PhD in Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law Law institute MCTTU (dp-70@mail.ru).

Polyanskiy Pavel Lvovich — PhD in Law, Associate Professor, History of State and Law Department, Moscow State University named after Lomonosov Ponomarev (iogp@yandex.ru).

Ponomarev Mikhail Viktorovich — PhD in Law, Associate Professor, Department of State and legal disciplines Law institute MCTTU (mvp2002@list.ru).

Pryakhina Tatyana Mikhailovna — Grand PhD in Law, Professor, Department of State and legal disciplines Law institute MCTTU (doktrina2005@yandex.ru).

Sannikova Larisa Vladimirovna — Grand PhD in Law, Professor, research associate of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Professor the Department of «Civil law» of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lsannikova@mail.ru).

Severukhin Vladimir Aleksandrovich — PhD in Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law institute MCTTU (Sev99@yandex.ru).

Sitdikova Lyubov Borisovna — Grand PhD in Law, Professor, Civil Law Disciplines department Law institute MCTTU (LBSitdikova@mail.ru).

Churilov Sergey Nikiforovich — Grand PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Law institute MCTTU (AndreyanovaNN@mgpu.jurist.ru).

Shilovskaya Anna Leonidovna — PhD in Law, Associate Professor, Civil Law and Procedure department, Russian State Social University (shilovskaya.anna@gmail.com).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 авт. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовков — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 3 (19), 2015

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. e-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 09.09.2015 г.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Объем: 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.